

Константин Бояндин

ЭТАП

Константин Бояндин

Этап. Nous

«Издательские решения»

Бояндин К. Ю.

Этап. Nous / К. Ю. Бояндин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741328-6

Конец света не будет. Возможно, потому, что он случается по расписанию для тех немногих, которые абсолютно точно знают, когда он наступит в очередной раз. «Этап» — роман о тех, кто, возможно, охраняет всё человечество, не позволяя ему сгинуть раз и навсегда. Для этого нужно немного: в очередной раз пережить конец света — и остаться человеком.

ISBN 978-5-44-741328-6

© Бояндин К. Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	14
5	18
6	20
7	23
8	27
9	31
10	33
11	37
12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Этап
Nous**

Константин Юрьевич Бояндин

© Константин Юрьевич Бояндин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Задержанный сидел спокойно, и бесстрастно смотрел на участкового.

– Имя, фамилия? – тот посмотрел исподлобья. Через пять часов Новый Год, а приходится сидеть тут с этим непонятным типом, и когда его заберут – неизвестно. Мороз, метель, дороги занесло так, что отвозить разве что на тракторе. И телефонные линии оборвало, а мобильная связь в такое время перегружена.

Хороший, отличный праздник выходит!

– Что это? – поинтересовался лейтенант Смирнов, для всей деревни – просто Миша, рука закона и представитель власти здесь, на краю света.

Он спрашивал про непонятный предмет. То есть на вид – ни дать ни взять игрушечное оружие, что-то подобное в новомодных мультиках можно увидеть. Яркое, на вид пластмассовое. Обычное китайское барахло. Но задержанный бросился к оружию так, словно от этого зависела его жизнь. Чуть не пришиб Андреевну, милейшую старушку.

– Бластер. – Задержанный посмотрел спокойно в глаза милиционера. – Оружие, лейтенант.

Псих, понял Смирнов и чуть не застонал от досады. Вот ведь невезение! Псу под хвост весь праздник!

– Связи нет, выехать отсюда не получится. – Задержанный словно читал мысли. – Всё верно?

– Верно, – согласился Смирнов. – У нас каждый Новый Год так. Не отвлекайтесь. Имя, фамилия, дата и место рождения.

– Николаев Сергей Васильевич, шестьдесят пятого года рождения, родился и учился в Омске, погиб в Новосибирске тридцать первого декабря две тысячи девятого года.

– Вы издеваетесь? – Смирнов, в свои тридцать пять, всякого повидал. И домой, в деревню, вернулся вполне осознанно – здесь лучше. Здесь свой дом, всё своё, и психов нет, как в той столице. И вот на тебе, свалился на голову!

– Нет, лейтенант. – Николаев, или как его там, не выглядел психом. Ну ни капли, ведь в людях-то разбираться Смирнов уже обучен! Но ведь именно Николаев чуть не зарубил Андреевну, чудо, что именно в тот момент туда зашёл Смирнов. – В этой комнате есть число тридцать шесть?

– Какое число? – лейтенант начинал злиться.

– Тридцать шесть. В виде надписи, или числа. Две цифры подряд, три и шесть. Есть?

Никогда ещё желание ударить человека в зубы не было у Смирнова таким сильным.

– Я не сумасшедший, лейтенант. – Николаев успел поседеть, заметил Смирнов. Рановато. Откуда он взялся, в этом нелепом наряде – чёрный берет, коричневый плащ, тяжёлые, чёрные сапоги? Это зимой! Когда на улице минус сорок и метель! – Извините, что испортил вам праздник. Отдайте мне оружие, – попросил он.

Смирнов усмехнулся, взял, осторожно, названную бластером штуковину. Ну точно, китайская поделка. Вон, обшарпанная пластмасса, болтики, которыми всё это скрутили. Он прицелился из «оружия» в приоткрытую форточку и нажал на спусковой крючок, или как эта штука называется у игрушки. Ничего не случилось. Ах да, не снял с предохранителя. Смирнов повернул пластмассовый язычок и снова нажал. Вспыхнула лампочка внутри, игрушка издала низкий рокошущий звук. Очень мило.

– Ребёнку купили? – поинтересовался лейтенант, протягивая игрушку человеку. Тот молча кивнул и принял свою вещицу. Повесил на ремень – смотри-ка, там даже кобура для этого. Ясно, не псих. То есть, не в этом смысле псих.

– Почему вы хотели убить Лукину Василису Андреевну?

– Показалось, лейтенант. – Николаев не выказывал ни страха, ни удивления. – Не беспокойтесь, не убил бы. Здесь есть число тридцать шесть?

– Нет. – Смирнов оглядел комнату. И впрямь, откуда ему быть? Главное, чтобы этот успокоился. А то, хоть и в наручниках, а дел натворить может, сразу видно. И отчего-то расхотелось сдавать задержанного. И вообще считать его опасным типом. Преступников Смирнов навиделся. А этот держится совсем не так. Но... ладно, всё по правилам. Отправить запрос, получить сведения о человеке, а дальше пусть им другие занимаются. Но наручники пока снимать не будем. – Сейчас вы встанете и пройдёте вон в ту комнату. Я вернусь через полчаса.

– Пойдёте к Лукиной? – поинтересовался Николаев, поднимаясь на ноги. Не возражает, ведёт себя необычайно спокойно и уверенно. Точно, не преступник. Да и откуда бы ему взяться, в сапогах и плаще в таком месте? – Лейтенант, посмотрите, нет ли там числа тридцать шесть.

– Далось вам это число! – Смирнов сдержал улыбку. Во пунктик у человека. – Посмотрю.

Через полчаса Смирнов пришёл, мрачнее прежнего. У Андреевны уже хлопотали две соседки. Сразу стало ясно: нечего там сидеть. Со старушкой уже всё в порядке, но застолье отменяется. Вот зараза! Пришёл домой, заглянул в холодильник, заглянул за печь – да, небогато. То есть богато, но не празднично.

Что нашёл, то взял с собой. Такой вот получается Новый Год: сидеть до утра, а то и дольше, с непонятным человеком. Телевизора в участке нет, но есть радио.

– Лейтенант, там было число тридцать шесть? – спросил Николаев громко, чтобы услышали.

– Не заметил. – Если честно, то и не пытался заметить.

– Отмечать будете? – поинтересовался Николаев. Вот чёрт! Он же за дверью, как может видеть? – Как Василиса Андреевна?

Разве он называл её по имени-отчеству? Ах да, называл.

– Уже лучше, – сухо ответил лейтенант. А, и чёрт с ним. Плитка есть, чайник есть, значит – голодать не придётся. Можно, конечно, зайти в любую другую хату, там всюду будут рады: знают, что жена с ребёнком в городе, не сидеть же дома одному! Но – всю дорогу Смирнов думал, откуда мог взяться в сених этот Николаев. На одежде не было ни снежинки. Не прятался же он там весь день, Андреевна на улицу не выходила.

Чертовщина. И не преступник, говорит очень уж интеллигентно.

– Выходите, – приказал лейтенант. – Значит, будем с вами встречать. Такая вот петрушка.

– С удовольствием, – согласился Николаев. – У меня ещё рюкзак был. Наверное, там остался, у Лукиной. Если вернёте, могу добавить на стол.

– Это потом. Ну что, наливать?

– Наливайте, – одобрил Николаев и пригладил короткую шевелюру. Двумя руками и цепью. – А за рюкзаком лучше сходить, там у меня закуска есть, лейтенант. Хорошая закуска, Михаил Алексеевич, тут такой не купить.

– Откуда вы... – лейтенант проследил за его взглядом. Острое зрение! Под стеклом – вырезка из газеты, заметка про самого Смирнова, всё верно. Но шрифт мелкий, и от Николаева далеко! – Ясно, откуда. Наблюдательный вы человек.

– Оттого и живой ещё, – кивнул Николаев, и снова потёр свой ёжик.

– Сами ж сказали, что умерли, – не удержался лейтенант. И потом уже подумал: зря, а ну как сейчас буйным станет?

– Умер, точно помню, – признал Николаев. – А теперь вот снова жив. Так вы наливаете, Михаил Алексеевич?

Непривычно, что по имени-отчеству. Ведь Николаев на пятнадцать лет старше будет, если про возраст не соврал. Да и зачем ему врать, спрашивается?

– Давайте, рассказывайте, – решил лейтенант. По радио по этому сейчас идёт всякая мерзость. Под Новый Год что-то хорошее пустят, так заведено, а пока что слушать нечего.

– Что вам рассказать?

– Да всё. До утра нам сидеть, или пока не свалимся. Откуда в сенях взялись, например, расскажите.

– Всё – так всё, – пожал плечами Николаев и в третий раз пригладил волосы. Лейтенант хотел было съязвить, да язык не повернулся. Хоть и кинулся этот Николаев на старушку с топором, а всё равно не преступник. Не похож. Впрочем, в любом случае этим другие займутся.

2

В тот день Николаев отпросился домой: смена его кончалась в девять, но у сына – день рождения, нельзя же так! Да и подарок надо купить. Обычно Николаев звонил Васильченко, приятелю и сослуживцу, если можно так сказать, и тот подвозил его. Ну и наоборот, естественно. Таксист таксиста всегда поймёт.

Но в этот раз Васильченко не оказалось, да и время неурочное – день, полно заказов, кто ж его отпустит? Вот и пришлось звонить, как всем— в другую контору, в своей полчаса, как минимум, ждать – Новый Год на носу, шутка ли!

Вызвал. Сразу не понравился ему водитель: много говорил по мобильному и ездил, так скажем, очень лихо. Хоть она трижды иномарка, и хоть пять раз у неё зимние шины, а ездить всё равно нужно осторожно.

Водитель, ко всему прочему, оказался ещё и болтлив. Возмущаться не хотелось: сегодня уже было трое не очень приятных клиентов, а дома надо быть в хорошем настроении. Пришлось терпеть и ограничиваться, по возможности, междометиями.

В магазине тоже оказалось людно, а как же иначе? Но заветный космический пистолет, или, как было выведено на ценнике, бластер, Николаев приобрёл – как для него отложили, в уголок на полке с игрушками. Ближе к празднику в игрушечном отделе многое повымели. И куда людям столько этого барахла?

Подъезжали уже к дому, к последнему перекрёстку, когда мобильник у водителя заверещал (язык не поднимался назвать этот звук музыкой). И вновь водитель взял этот треклятый аппарат, поднёс к уху, поворачивая руль влево.

И тут, по встрече, прямо в лоб такси вылетел джип. Торопливый, из тех, что думает – раз он на машине, которая стоит вдесятеро встречной, то встречная его пропустит.

Не отвлекись водитель на разговор, вывернул бы просто на тротуар, там никого не было. Ну, шаркнул бы о джип дверцей, и всё на этом. Но водитель резко крутанул руль вправо, и Николаев заметил резво несущийся навстречу «КамАЗ».

Две мысли успело мелькнуть, первая: зря не пристегнулся; и вторая: ну, и чем бы это помогло? Потом была яркая вспышка – и больше ничего.

Николаев очнулся внезапно. Понял, что всё ещё сидит в машине, в том самом такси, и что водителя нет – левое сиденье свободно, ключ в замке зажигания. Точно, та машина: брелок тот же самый. Удрал, сволочь. Ну и правильно, что удрал, сейчас бы врезал гаду промеж глаз, не задумываясь. А мобильник засунул бы ему в...

Стоп. Николаев помотал головой. Бластер валяется на полу, прямо перед ним – ну да, держал в руке, аккуратно перед тем, как врезались в тот грузовик. И портфель там же валяется. Ничего не понимаю, подумал он, я же в стекло вылетел, насквозь. Лобового стекла нет, а сам я тут, на сиденье. Что за чушь? Кто-то посадил обратно, да так и оставил?

Дверца не желала открываться. Пришлось толкнуть изо всех сил, чтобы она подалась и с жутким скрипом отворилась. Повезло, что вообще отворилась, не то лезть на капот по битому стеклу.

Николаев не сразу понял: что-то совсем не так. Категорически не так. И только когда отошёл от смятой машины – понял.

Лето. Кругом лето – сосновый бор за спиной, трава-мурава под ногами. Птицы поют, солнце печёт. Лето. И сам он не в пуховике, а в лёгкой рубашке. В рубашке, берете и летних брюках. И сандалиях. По сезону, в общем, одет.

А разбитая машина стоит на обочине у перекрёстка. И никому нет дела. Это в порядке вещей?

– Что за чёрт? – услышал Николаев свой голос. Полез в карман за мобильником – нет там мобильника. Заглянул в салон, увидел пластмассовое крошево и прочие останки телефона на полу, и понял: искать нет смысла. Что вообще происходит? Куда делось полгода? На дворе июль, по всему видно.

Ещё через пять минут он узнал и перекрёсток: совсем в другой части города. И почему смятую машину приволокли именно сюда? Почему он в ней оказался? Мимо ехали машины, через дорогу шли пешеходы – на него, Николаева, никто не обращал внимания. словно всё в порядке. Может, для них оно и есть всё в порядке?

– Ладно. – Николаев снова услышал свой голос. – Пошли домой. – А куда ещё прикажете идти? Там хоть отсидеться можно, и расспросить – отчего всё вокруг так, да что случилось под Новый Год. Если бы не бластер – тот самый, и не портфель – тот самый, – Николаев легко бы согласился с мыслью, что это он напился так, что полгода выпало из памяти. Есть такой грех: стоит лишнего принять, как память отшибает. Удобно, конечно, но и неприятно одновременно. Это ж сколько надо было выпить, чтобы отшибло полгода?

Дом – во-о-он там. Десять минут ходьбы быстрым шагом. Ну, пятнадцать, сейчас, с поправкой на мутность в голове. Николаев чуть не попал под машину – зазевался у светофора, но мощный клаксон привёл его в чувство окончательно. Так и побрёл к себе.

...Уже на углу, у магазина, супермаркета, где старушки бойко торговали летними «колоннальными товарами» – овощами, приправами, фруктами да цветами – он услышал музыку. Играли на аккордеоне, душевно и трогательно. «На сопках Маньчжурии», узнал Николаев. отец очень любил эту музыку, да и сам Николаев тоже. Он обошёл угол здания и увидел – колоритный старик-фронтвик – весь морщинистый, что твоя печёная картошка, в военной форме, очень бодрый и крепкий – сидел среди бабушек, положив выдавшую виды кепку на колени, и играл, добродушно улыбаясь всем. Удивительно, но в кепке не было ни монеты – а ведь играет мастерски! Рядом со стариком, прислонившись к стене магазина, отдыхала его трость.

– Нет, сынок, – неожиданно возразил старик, не прерывая музыки, когда Николаев наклонился, чтобы положить в кепку купюру. – Для души играю. Не нужно. Лучше сигаретой угости, – подмигнул он и Николаев, отчасти растерявшись, угостил. И огоньку поднёс. Старик так и играл, пальцы бодро бегали по клавишам и кнопкам, музыка лилась и лилась – к явному удовольствию всех, кто вокруг. Старик кивком поблагодарил, пыхнул дымком и исполнил завершающие такты.

– Что ещё сыграть, дамы? – осведомился он у бабушек вокруг.

– Давай «Шинель», Петрович, – попросила та, что слева – и старик согласился.

Николаев ещё постоял, послушал – сам старик молчал, с сигаретой в зубах, а вот старушки подпевали. В конце концов Николаев опомнился, кивнул старику на прощание и направился дальше. «Бери шинель... пошли домой», услышал он, поворачивая за угол, и там слова уже были едва слышны, только музыка.

Вот и дома. Теперь подняться, и пусть Маша и Денис расскажут, что происходит. И с этого дня в рот ни капли! Уже сколько раз давал себе зарок, но теперь надо соблюсти. Дыра в памяти в полгода – это чересчур.

Ключ выглядел по-другому, но на это Николаев уже не обращал внимания. Подошёл и подошёл. Привычно закрыл дверь за собой, повесил портфель на специальный крючок на вешалке.

– Я пришёл, – позвал он. Сейчас сын вылетит пулей, и спросит, что отец сегодня принёс, а следом выйдет улыбающаяся Мария.

Из коридора выбежала... девочка лет девяти. Стоп, я её знаю, успел понять Николаев, но не помню имени. У нас гости?

А потом вышла женщина. Долю секунды смотрела на Николаева и... узнала, видно по лицу. И обрадовалась.

– Феликс! – воскликнула она. – Даша, это же дядя Феликс, я рассказывала! Ой, я так рада, что ты приехал!

Феликс?

– Дядя Феликс! – девочка тоже обрадовалась. – А вы откуда?

– Приехал только что, – Николаев и сам не знал, отчего так сказал. Сказалось. – Вот и решил зайти.

– Ой, а мы только что ужинали, – засуетилась женщина. – Идём, идём за стол! Сто лет тебя не видела!

Дальше было как в тумане. Николаев, смирившийся с тем, что его зовут Феликсом Александровичем, и хозяйка с ним на «ты», был препровождён в ванную. Думал, что умоется холодной водой и в себя придёт, но не помогло умывание. А затем и на кухню пригласили. Там, уже автоматически, рассказал, что работает таксистом – это не удивило никого из дам. В общем, разговорились ни о чём, а в сознании крепла мысль, что вы, товарищ Николаев, сошли с ума. Полностью и окончательно. Одно напоминало о новогоднем прошлом: бластер в портфеле.

Надо бы посмотреть, что там, в портфеле.

– А мы в кино собрались! – заявила Даша, когда гость вышел из-за стола. – Идёмте с нами, дядя Феликс!

– Даша, ну... – начала было женщина, но Николаев к этому моменту понял, что пора начинать что-то делать. Раз уж его знают, пусть и под другим именем, надо, как минимум, взять себя в руки. И начать разбираться, что происходит.

– С удовольствием, – кивнул Николаев. – Времени у меня вагон. Я в отпуске, – пояснил он, и женщина обрадовалась.

– И я тоже! Послезавтра с Дашей на море собрались. Тогда собираемся, Феликс Александрович, нам через пятнадцать минут выходить!

И тут немного повезло: в гостиной, на одной из книжных полок, лежал паспорт. Улучив минуту, пока хозяйки не было (указывала дочери, что надевать), Николаев заглянул в паспорт. Фомина Елена Николаевна. Вот, значит, как. Имя показалось знакомым, как и лицо девочки... но не более того. Ладно. Сейчас прокатимся в кино, проветримся, и начнём осторожно выяснять, куда делись Николаевы, которые жили по этому адресу в этой вот квартире. И почему хозяйка не удивилась, что гость открыл дверь своим ключом.

3

Вечером того же дня Николаев Сергей Васильевич, он же Тюрин Феликс Александрович, как значилось в паспорте (в том, что оказался в его портфеле), сидел в комнатке, выделенной дорожному гостю (сама Елена Николаевна осталась в комнате дочери), и смотрел на то, что нашлось в портфеле.

И думал о времени. Смешно, но вчера он услышал множество дат. Судя по электронным часам на руке хозяйки дома, было пятое июля две тысячи восьмого. Судя по газетам в киоске, мимо которого они прошли по пути в кино, седьмое июля две тысячи девятого. Спрашивать встречных о дате казалось не очень хорошей шуткой. Даша отметила, что для таксиста их гость слишком много знает, и странно себя ведёт. Пришлось рассказать о чудесной постсоветской эпохе, когда бывшие учёные, инженеры, экономисты становились кто кем. Кто бизнесменом, кто авторемонтником, кто таксистом. Бывало и хуже.

И никакого следа Николаевых. Интернета в этом доме не водилось, как и в доме Николаевых, а если бы и водился, спрашивать о помощи хозяйку или дочь было бы неловко. Очень неловко.

То, что Фомина вдова, Николаев узнал, пока они шли в кино. А по таким же мелким деталям из разговора на обратном пути, и уже дома, понял, что упомянутый Феликс старинный друг Фоминой и всей семьи в целом. И что очень помог, в частности, когда не стало супруга. И ещё – муж Фоминой тоже попал под машину. Хорошенькое совпадение!

«Тоже». Николаев вспоминал о Марии с Денисом, и хотелось биться головой о стену. Здесь о них никто не слышал, и, может, лучше не пытаться узнавать подробнее – вдруг никто никогда не слышал? Улучив момент, Николаев позвонил по номерам, которые помнил. Не те голоса, не те люди. Нет его знакомых, в паспорте другие имя, отчество и фамилия. Другой человек.

И всё-таки я её помню, подумал Николаев. Вот помню, и всё тут. Может, это просто кажется, тут многое ощущается ненастоящим, но помню. Ладно, может, остальное вспомню.

Он достал из портфеля бластер и кобуру к нему. Усмехнулся, снял оружие с предохранителя и нажал на спусковой крючок. Игрушка издала несколько резких звуков (хорошо, что можно управлять тем, какой звук издаёт – специальный переключатель, на целых три положения: тихо, умеренной противности, непереносимо мерзко), лампочка внутри мигнула. Ярко вспыхивает! Не очень понимая, зачем это делает, Николаев «посмотрел в глаза смерти» – заглянул в дуло – и вновь нажал кнопку.

Вспыхнуло так, что перед глазами повисли чёрные пятна. Ого! Ну и зачем было смотреть?

Кошка, которая до возвращения хозяев и гостя из кино никак не выдавала своего существования, сидела на полу и наблюдала за тем, что творит человек. Мелкая какая! Николаев принял её за котёнка, вполне помещается на его ладони – это он выяснил, когда кошка потребовала от человека внимания. Дома у Николаевых кошек или собак не водилось; давным-давно был полосатый кот, разбойник и великий любитель противоположного пола, но подцепил лишай, а в то время его ещё не лечили. Когда кота не стало, Мария наотрез отказалась заводить нового – уж очень переживала, когда прежнего усыпили.

– Закрой дверь, – посоветовала Елена. – Запри, если хочешь. У нас по утрам шумно бывает. А кошка обычно в комнату не лезет, если сразу не залезла.

И звали эту кошку просто: Кошка. Придумывали ей имя, по словам Елены, придумывали, да так и не пришли к согласию. Так и осталась кошка Кошкой.

Ещё в портфеле нашлись бумаги – по ним видно, что Феликс работает инженером на химическом производстве. И деньги. По сумме – аккурат та премия, которую выдали под Новый Год.

– Остаёшься или пойдёшь? – спросил Николаев Кошку. Та держалась поблизости, но на руки уже не лезла. Кошка решила, что не остаётся, и минут через пятнадцать Николаев уже крепко спал.

Проснулся оттого, что ему приснилась всё та же авария. С жуткими подробностями – снова такси поворачивает налево, снова водитель газует, почти не глядя, видит несущийся джип и отправляет себя и пассажира под «КамАЗ», мимо которого так лихо, казалось, проскочил.

Сон оборвался на моменте, когда Николаев, пробив лобовое, летел в радиатор грузовику.

– Дядя Феликс! – Даша постучала, не сразу вошла. – Мы сейчас будем завтракать! Вы встаёте?

Завтра провожу их, подумал Феликс, и начну работу искать. А что делать? Попробовать проснуться? Или как положено вести себя в таких случаях? Найти работу, с этим просто – человек советской закалки нигде не пропадёт – и пытаться выяснить, который здесь год, что творится в стране и всё прочее.

День прошёл в хлопотах: хозяйка с дочкой ездили по магазинам, совершали последние покупки к поездке. Ну и чемоданы собирали. Кошка принимала во всё живое участие, ни одну вещь не оставила без осмотра.

– Соседке оставлю, – пояснила Елена, указывая на Кошку. – Не впервые. Она у нас спокойная, никогда не скандалит. Феликс, можно попросить тебя сбегать в магазин?

Похоже, я – он – чуть больше, чем давний друг, понял Николаев, следуя в магазин со списком того, что нужно купить. Идти было порядком, но прогуляться оказалось приятно. Жарко, конечно, но всё равно приятно.

Николаев не удивился, обнаружив поблизости от магазина давешнего фронтовика, Петровича. Чехол с аккордеоном – стоит рядом, на скамейке, тросточка – и мундир. Да какой чистый и выглаженный! Как на парад. И медалей сколько!

– Луна сегодня, – указал Петрович на небо, после того, как они поздоровались. – Смотри, какая яркая. Случилось что, сынок, что так смотришь?

– Случилось, отец, – признал Николаев очевидное. – Такое случилось, что врагу не пожелаешь.

– Бывает, – покачал головой старик и сам протянул новому знакомому пачку с сигаретами. – Утощайся. Всё вот кажется, виделись мы раньше. Или жили рядом, я лица хорошо запоминаю.

Поговорили так вот ни о чём, и домой к Фоминым Николаев вернулся уже в совершенно отличном настроении. Что бы ни случилось, а сдаваться нельзя, старик прав.

Дома Николаев застал заплаканную Дашу. Оказалось, кто-то укусил: по словам Даши, комар, но разве от комара бывает такая шишка? Руку перевязали, шишку смазали мазью, комара, по словам Елены, пришибли.

– Вот. – Она протянула «морилку», по-научному – фумигатор. – Что-то в этом году спасу от них нет. А с закрытыми окнами спать душно.

Это да. На окнах, по ту сторону, сетка от насекомых, но подлинные любители свежей человеческой крови проберутся сквозь любую сетку. Впрочем, Даша к концу дня повеселела, все вместе посмотрели по телевизору какую-то комедию, и решили, что пора спать: завтра рано – в аэропорт. Николаев собрал свой портфель и прочие немногие пожитки – вновь спросил Кошку о намерениях, и на этот раз закрыл дверь плотнее. В том числе и от комаров. Терпеть не может эту крылатую нечисть, пусть хоть сто фумигаторов в комнате.

4

Николаев проснулся раньше, чем ожидал. За окном что-то творилось. Проезжали несколько раз милицейские, с сиренами – в такую-то рань! «Скорая», что-то ещё. Кричали не то соседи, не то просто на улице – что там такое случилось ночью, чтобы кричать на всю округу? Помнится, прикрыл окно, спасибо стеклопакету, стало тише. И снова свалился спать, на часах было два с небольшим.

И вот – четыре сорок утра. Уже не кромешная мгла, уже небо посветлело. И – что-то творится там, за дверью. Кто-то на кого-то ругается, похоже. Что там могло случиться? Елена с дочерью живут мирно, по словам самой же Елены. Не скандалят, всегда находят общий язык. Что стряслось?

Николаев быстро собрался, проверил, что портфель поблизости, что всё сложено. Через полчаса будет такси в аэропорт.

Он приоткрыл дверь в гостиную. Станный запах. И звуки: теперь ясно, что это – шипение и вой. Кошка. Что там случилось, кто её обижает? И кто там ещё не то воеет, не то рычит? Собака в дом забралась?

– Даша? Лена? – Николаев вышел в гостиную, держа в руке портфель. – Что у нас...

Она выбежала навстречу. Даша. Выглядела настолько необычно, что мозг не сразу принял это за правду. А спасло Николаева в первый раз то, что отшатнулся, оступился и нечаянно оттолкнул Дашу, сбил её с ног.

Сам не упал – это спасло во второй раз. И дошло, что лицо Даши всё в крови, что рот широко раскрыт, и оттуда вырывается не человеческая речь, крик или плач, а рёв и шипение. Девочка (в ночной рубашке, осознал Николаев) вскочила, бросилась к нему, растопырив окровавленные пальцы. Вот чем тут пахнет: кровью.

– Да...

Он прикрылся портфелем, инстинктивно. Успел понять, что глаза Дарьи выглядят странно, но не было времени раздумывать: девочка два раза чуть не укусила его, а судя по её виду, кого-то она уже успела покусать, на самой ран не видно.

– Даша, да что...

Удавалось уворачиваться и отталкивать её портфелем. Дарья оказалось очень сильной и вёрткой, и целилась в незащищённые места: в ладонь или горло. Тут Николаев окончательно очнулся. Понял, что всё это на самом деле – что случилось с девочкой, потом будем выяснять, сейчас нужно её утихомирить, и вызвать «Скорую». Чёрт!

Помогла диванная подушка. Он сбил Дашу с ног – а она едва не укусила Николаева за ногу. Вот зараза! Да что происходит?! В итоге он вооружился диванным валиком, уже не стараясь быть аккуратным – отпихнул девочку в спальную, откуда сам вышел, толкнул ногой в грудь, отбрасывая от двери и с силой потянул дверь на себя. Дверь тут же стали тянуть и толкать с той стороны, а какие звуки при этом раздавались, лучше не вспоминать. Что за буйство? Почему она вся в крови?

Чем бы дверь заблокировать? Ручку не отпустить, выберется. Хорошо, швабра валялась поблизости, уборку делали перед отъездом и тоже: черенок весь в крови. Стараясь не испачкаться, Николаев просунул швабру сквозь дверную ручку. На какое-то время это задержит Дарью.

– Лена? Ты где, Лена?

В коридор выскочила Кошка. Вся вздыбленная – но тоже, вроде бы, невредимая. Посмотрела в глаза человеку, и жалобно мяукнула.

– погоди, – Николаев обошёл её, в коридоре на полу, на стенах – повсюду кровь. Вот чёрт!

– Лена?

Он не сразу открыл дверь в ванную. Потянул, что было силы, вырвал шпингалет с мясом. Елена, вся в крови, сидела неподвижно под раковиной. Пол, стены вокруг, ванна – всё в крови. Кошмар просто.

– Чёрт! – Николаев заметил, что из горла, из рук Елены вырваны порядочные куски. Можно не гадать, жива или нет. Да что творится?

В комнате Даши всё было вверх дном, всё разгромлено и перепачкано, а запах такой, что комок встал в горле. А за спиной раздавался вой и грохот. Телефон так вымазан, что братья противно. Николаев взял трубку, обернув её полотенцем – линия мертва. Есть мобильники, они у обеих есть, но искать их в этой бойне...

Срочно уходить отсюда, искать милицию, звать на помощь.

Он торопливо обулся. Вернулся в гостиную за портфелем – взял на кухне чистую тряпку, дно портфеля вымазано, прикасаться очень не хотелось. Тут и выяснилось, как трудно оттирается кровь – хорошо хоть, ручка чистая. Кошка ходила по пятам, держа спину горбом, время от времени издавая грозный шип. Такой жуткий звук от такого крошечного зверька!

Кобура с бластером висела отдельно. Зачем, спрашивается? Ах да, вчера показывал Дарье. Нет времени прятать в портфель, Николаев схватил ремень с кобурой, берет...

Кошка спасла его в третий раз. Уж неясно, как Дарья сумела открыть дверь бесшумно – видимо, швабра выскользнула, не сломалась. Кошка так заорала и зашипела за спиной, что Николаев прыгнул, не оборачиваясь, на лестничную клетку, и только там развернулся, чтобы отмахнуться портфелем. Вовремя: Дарья только чудом не впилась в горло зубами.

В этот раз он ударил Дарью ногой в грудь почти без жалости. С ума она сошла, или больна – но ведь загрызла собственную мать и, похоже, охотилась за кошкой по всей комнате после того, как мать укрылась в ванной.

Ключ так и лежал в кармане. Два поворота – всё, стальную дверь ей не выломать. Если не догадается найти ключ. Быстрее за помощью!

Судя по крикам и рёву, в соседних квартирах тоже не всё в порядке. Ладно, на улицу – стучать в двери не хотелось. Ботинок соскользнул – весь в крови – и Николаев крепко приложился затылком о стену. А когда понял, что встаёт, держа бластер в руке – вверх по лестнице, навстречу, бежал ещё один человек с безумными глазами и окровавленным лицом. Дальше было инстинктивно – направил бластер в лицо и нажал на крючок. Слепить, выгадать ещё секунду, ударить ногой...

Вспышка, запах грозы. Человек, или что это было, медленно свалился навзничь, и Николаев успел увидеть сквозную дыру в его голове. И понять, что человек не мог бегать: из шеи вырвано столько, что виден позвоночник.

Что за...

Николаев посмотрел на бластер. Тот выглядел совсем по другому. Выглядел, как настоящее оружие. Тёмного цвета металл, удобно ложится в руку, никаких тебе винтиков и отсека для батареек. Выглядит очень похоже, но другой. И тяжёлый какой!

Николаев не стал смотреть в дуло – в переливающийся серебром кристалл – на этот раз. Прицелился в дерево, в открытое окно, и снова нажал на крючок.

Ярко-белая вспышка, и в стволе появляется сквозное отверстие.

Николаев понял, что ему жарко, страшно жарко – и жар этот внутренний. Он сжёг слабость ног и рук, выгнал страх. Остались злость и пронзительная ясность чувств.

Кошка мяукнула. Там, на лестничной площадке – она, Кошка. Успела выскочить, смотри-ка!

– Что же делать с тобой? – Николаев чуял всем, чем можно, что нельзя медлить. Вот-вот явятся другие любители поесть свежего мяса – а сможет ли бластер выстрелить ещё хотя бы раз, неясно. Спасаться надо!

Он поднял кошку на ладонь, и та громко замурлыкала, вцепляясь когтями в руку.

– Чёрт, зараза! – Николаев сунул зверька в карман куртки. – Сиди тихо! Будешь царапаться – выброшу!

Удивительно, но Кошка поняла его. Едва её сунули в карман, умолкла и не дёргалась.

На улице Николаев первым делом увидел дворника. Потом уже понял, что это был дворник: он сидел на коленях, спиной к двери в подъезд, и издавал странные звуки. Что-то жадно ел.

– Что... – и дворник обернулся. Очень резко обернулся, и крайне резко бросился на Николаева.

Снова вспышка, снова запах озона, снова сквозное отверстие в голове. И тут Николаев увидел, что на улице творится ровно тот же кошмар. Эти, искусанные и окровавленные, были повсюду. Крики в отдалении, звуки выстрелов – некогда стоять и глазеть!

А на дорожке, у соседнего подъезда, шагах в двадцати от Николаева, стоял... Петрович. Точно, он! На плече – аккордеон без чехла, в руке трость. Стоит и смотрит на Николаева. И непохоже, что ранен.

– У нас там... – начал было Николаев, но Петрович молча указал тростью за спину Николаева. Верно: ещё двое живых мертвецов выбежали из-за угла. Странно, но Николаев не потерял голову, действовал ясно и чётко – два нажатия на крючок, оба лежат. Это сон, подумал он. Вот это точно кошмарный сон. Бластеров, или что это, не бывает. И этих, живых мёртвых, тоже.

Петрович как стоял, так и остался стоять. Просто смотрел на Николаева. А за спиной Петровича появился ещё один – бежал в их сторону от поворота дороги. Николаев бросился к старику, держа бластер наготове, а Петрович, невозмутимо, поднял свою трость, развернулся, и огрел ею живого мертвеца – или кем ещё можно быть с такими ранами на горле и руках.

Мертвец рассыпался в пыль. Николаеву захотелось даже протереть глаза. Точно, рассыпался – от удара трости превратился словно бы в груды пепла или песка. Так и рухнул. Петрович кивнул, и посмотрел Николаеву в глаза.

– Сам цел? – поинтересовался он.

Николаев быстро осмотрел себя. Укусов нет, в крови почти не перепачкался. Вроде цел.

– Нам туда, – указал Петрович за угол. Судя по крикам, сиренам и выстрелам, повсюду творится одно и то же.

– Что... – начал было Николаев, очень уж странно вёл себя старик. Слишком спокойно и уверенно. Понятно, что фронтовик, многое пережил, но чтобы такое?

– Подержи. – Петрович отдал трость, и сдвинул аккордеон вперёд – чтобы играть, понял Николаев. И заиграл – то самое, «На сопках Маньчжурии». И пошёл, в указанном им самим направлении.

Николаев шёл, озираясь, готовый стрелять. Странно: перед тем, как старик заиграл, к ним двоим бежало трое или четверо зомби (слово пришло на ум неожиданно) – но, едва только Петрович заиграл, как мертвецы потеряли интерес к добыче, и поспешили в другую сторону. Что всё это значит?

– Держись рядом и береги заряды, – посоветовал Петрович. Так и пошли. Идти оказалось недалеко, к школе за углом, и сколько вокруг бегало *этих* – словами не описать. Много. Но на них с Петровичем внимания не обращали, хотя пробежали иногда совсем рядом. Конец света, подумал Николаев. Я наблюдаю конец света. Самый настоящий.

Дверь школы открылась перед ними – там стояла девушка в чёрном плаще и чёрной же повязке на лбу. Что-то она сжимала в руке, но не было времени приглядываться. Петрович, не переставая играть, кивнул ей – и получил ответный кивок. Девушка отошла в сторону, и махнула Николаеву: проходи, мол.

Он и прошёл. Девушка заперла за ними дверь. Петрович не переставал играть, и они втроём шли и шли, по пустынным коридорам и лестницам. Ну хоть здесь нет крови или тел.

– Заходите, – указала девушка на дверь в учительскую.

– Ого! – трое человек поднялись на ноги. Два парня, лет двадцати, и пожилой мужчина – как написали бы раньше, кавказской национальности. На лицах их читались удивление и радость. Тот из парней, что был немного выше, первым протянул руку. – Одиннадцатый! Ну, Петрович, ты даёшь!

– Стараюсь, – степенно ответил Петрович и прекратил играть. – Знакомьтесь, это Сергей. – Он принял у Николаева трость, и взял его за руку. – Здесь все свои, не бойся. Это Мария, – девушка кивнула, – это Валера, – указал на парня повыше, – это Степан, – кивнул на второго, – а...

– Чёрт! – воскликнула Мария, и в комнате словно вспыхнул магний. Кошка выпрыгнула из кармана куртки и, Николаев успел заметить, увернулась от чего-то ярко-синего, похожего на плеть. – Отойди! – крикнула девушка, глядя на Николаева. – Отойди, придурок!

Николаев обернулся – Кошка забилась в угол за его спиной, и шипела оттуда. Шипела, глядя на девушку. А та сжимала меж двух пальцев диск – музыкальный или видео, не понять – обод диска светился синим.

– Отойди! – приказала девушка. Остальные тоже уже стояли, у каждого в руке что-нибудь, да было. После того, что Николаев успел сегодня увидеть, он не удивился бы, если всё это оказалось оружием.

– Она мне жизнь спасла, – холодно ответил Николаев, и поднял свой бластер – ни в кого не целясь, просто приподнял. И осознал, что остальные предметы в руках собравшихся смотрят ему в лицо. Николаев медленно присел, протянул левую руку за спину и поманил кошку. Она тут же подбежала и потёрлась о ладонь, громко мурлыча. Николаев поднял её в горсти, и так же медленно встал.

– Маша, – позвал Петрович – так и стоял, опираясь на трость, с сигаретой в зубах. – Всё в порядке.

– Идиот! – заметила Мария, убирая диск куда-то под куртку. – Чтоб больше не мельтешила, ясно? Попадётся мне под руку – пришибу!

– Маша, – пожилой, не названный пока, тоже убрал что-то в карман. – Не волнуйся. Петрович кого попало бы не привёл.

– Ладно, – буркнула Мария, и протянула Николаеву руку. – Извините.

– Всё в порядке. – Николаев убрал бластер в кобуру (никто и глазом не моргнул), и принял руку. – Что происходит?

– Конец света, – отозвалась Мария. – Дядя Гоша, что вокруг?

Пожилой достал из кармана небольшой прозрачный шар – с кулак размером – и посмотрел в его глубины.

– Чисто, – сообщил он. – Всё в порядке.

Говорит без акцента, понял Николаев, а на лицо грузин. Ну и ладно.

– Что мы тут делаем? – Николаев осознал, что ноги еле держат, и опустился на один из стульев. – Чёрт!

– Ждём, – Мария скользнула по нему взглядом. – А вот оружие не убирай пока. Есть хочешь?

– Я – нет. – Николаев достал из кармана Кошку – та явно оживилась, услышав вопрос. – Кусок в горло не полезет. А она, похоже, будет.

– Корми её сам. – Мария поставила на стол перед ним банку консервов и одноразовую тарелку. – Дядя Миша, больше никого не было?

– Никого, – подтвердил старик, доставая сигареты. – Теперь просто дождаться остальных.

О многом хотелось расспросить, Николаеву по-прежнему казалось, что он спит. Но Кошка уже смотрела ему в лицо, и резко мяукала – требовала еды.

5

– Не верите, – задержанный не спрашивал, утверждал. – Я сам не верил. До сих пор не во всё верю. Рассказывать дальше?

– Рассказывайте. – Смирнов налил им обоим ещё по стопочке и пододвинул газетный лист с закуской. И рассказывает вроде полный бред, и слушаешь – не оторваться. По глазам видно: не врёт. Хоть убейте, не врёт!

– О, новенький! – Николаев отнял ладони от лица и понял, что народу прибавилось. С Петровичем говорила пожилая женщина, на вид – учительница; один тощий и нескладный мужчина его, Николаева, возраста, что-то обсуждал с теми двумя парнями, а Георгий Платонович, он же дядя Гоша, что-то показывал весело смеющейся девочке – очень похожей на Дарью. Чёрт! Николаев вспомнил Дарью, забившуюся под раковину Елену и стало тоскливо.

– Проснись! – его похлопали по плечу. Точно, ещё один – высокий, габаритный, как говорила Мария – с изрядным пузом – но при этом молодой, ему едва ли за тридцать. И говорит, как бабка Николаева – с украинским выговором. – Ты Сергей? Я Жора. – ладонь, хоть и пухлая, оказалась крепкой. – Примем на дорожку? – круглолицый и веснушчатый Жора протягивал стакан. Самый настоящий гранёный стакан советских ещё времён.

– Примем, – согласился Николаев, и словно бы стал видимым – все остальные умолкли и посмотрели в его сторону. В стакане было на три пальца водки. В голове зашумело и... прояснилось.

– Нормально. – Жора ещё раз похлопал его по плечу. – Ты в который раз? В первый?

– В первый, в первый. – Мария подошла к ним. – Сергей, вот, возьми, – протянула ладонь, а на ней пара таблеток. – Ничего страшного, чтобы голова не кружилась. Сейчас легче станет. Не тошнит?

– Нет. – Николаев запил таблетки оставшейся в стакане водкой, чуть не поперхнулся. Кошка молча прыгнула ему на колени, и громко мяукнула.

– О, какой шикарный зверь! – восхитился Жора. – Не кусается?

– Потом! – Мария поймала его за руку. – Сергей, нужно будет пройти в другую комнату. Справишься? Туалет прямо и направо, если что.

– Прямо и направо, – повторил Николаев и поднялся, помогая кошке забраться на плечо. – Это хорошая мысль. Да, справлюсь.

В туалете встал такой комок в горле – вспомнился вид Дашиной комнаты, весь тот ужас – но потом отпустило. Николаев постоял перед умывальником, время от времени бросая в лицо пригоршню холодной воды. Вот это окончательно помогло. Кошка возмутилась, когда вода досталась и ей, но почти сразу умолкла и сидела, тёрлась о шею человека и мурлыкала.

Когда Николаев вышел, остальные уже собрались в коридоре возле учительской.

– Пора! – Мария постучала по запястью. – Федя уже на месте. Идёмте. Идём! – она поманила Сергея. – Потом, потом всё расскажем, что нужно. Нет времени сейчас.

По пути Николаев достал из кобуры бластер, убедился, что тот выглядит, как прежде – не игрушка, а неведомо откуда взявшееся грозное оружие – и вернул на место. Кошка, сытая – вон как пузо набила – и довольная, мерно мурчала в кармане. Лоток ей теперь искать, мелькнула неуместная сейчас мысль. Ладно, поди не будет прямо в кармане дела свои делать.

Они пришли, судя по табличке, в физический кабинет. Там парты и столы были сдвинуты в стороны, окна прикрыты жалюзи, и на стенах висели зеркала. Самые разные, но все высокие, в рост человека.

– Федя, что у нас? – поинтересовалась Мария.

– Сейчас узнаем. – Федей звали молодого человека в очках, клетчатой рубашке и джинсах. – Так, народ, процедура прежняя. Все подходим и заглядываем в каждое зеркало. Руками не трогать.

Николаев едва не улыбнулся, наблюдая, насколько серьёзно все выглядят.

– Ты тоже! – Мария потянула его за рукав. – Делай, что говорят. Мы объясним! – она подняла руку ладонью вперёд. – Не сейчас, ладно? Времени мало.

– Хорошо. – Николаев и сам успокоился. За последние пару часов случилось столько невозможного, что ещё немного странного уже ничего не изменит. Он сделал, как велели: подходил к зеркалам, вглядывался в каждое несколько секунд, шёл к следующему. Несколько раз из кармана выглядывала Кошка, но всякий раз смотрела в глаза отражению, шипела и пряталась снова. Не любит зеркала?

– Ждём. – Фёдор смотрел на часы на запястье. – Ждём и молчим.

Меня назвали одиннадцатым, вспомнил Николаев. Точно, их тут было десять. И что, у каждого есть что-то «волшебное»? Как бластер у меня, как трость и аккордеон у Петровича? Мысль не позабавила, не показалась безумной. И не было ощущения сна, наоборот: мерзкой, назойливой, неотгоняемой яви. Наивнейшей яви.

– Чёрт! – вырвалось у Марии. Остальные кто покачал головой, кто вздохнул. Зеркала, как по команде, осветились, затем потемнели. А потом в каждом из них стал то появляться, то исчезать белёсый след, словно стекло покрывалось инеем, и тут же он таял. След перемещался по зеркалам по часовой стрелке. – Двенадцатый! Неужели он здесь?

– Похоже, здесь, – подтвердил Фёдор и шагнул к одному из зеркал.

– Федя! Федя, не вздумай! – Мария бросилась к нему. Но Фёдор успел раньше. Едва только в зеркале появился и пропал «иней», Фёдор прикоснулся к поверхности стекла указательным пальцем.

Палец прошёл насквозь. У Николаева чуть челюсть не отвисла.

– Видишь? – Фёдор показал палец. – Цел и невредим. Всё, как я предполагал. Двенадцатый где-то рядом.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – Мария прижала ладони к лицу. – И мы не нашли его!

– Зато мы нашли Сергея. – Петрович осторожно взял её за руку. – Маша, не расстраивайся. Нас одиннадцать, верно? Найдём двенадцатого, не переживай.

– Да. – Мария вытерла глаза кулаком. – Всё так. Так, народ, собираемся вместе! Сергей! – Она взяла его за руку. – Ещё немного потерпеть, ладно? Как я скажу, возьми меня за руку, и держи, ясно? Внимание! Осталось две минуты!

– Две минуты до чего? – поинтересовался Николаев, силой засовывая Кошку назад, в карман. Вот убежит, лови её потом! И пуговицы нет, карман не застегнуть. – Слушай, Кошка, сиди смирно! Убежишь – ловить не буду!

– До сброса, – пояснил Фёдор. – Маша потом пояснит. Ну или я, если раньше увидимся. Так, народ! Тридцать секунд! Сделать глубокий вдох, взяться за руки, и закрыть глаза!

Кошка вырывалась уже всерьёз, ещё немного – и начнёт кусаться или царапаться.

– Сергей, руку! – Мария протянула свою. – Вот чёрт! Руку, быстро! Дай...

Она дотянулась и схватила Николаева за другую руку – за запястье. А сам Николаев почувствовал, что голова кружится, и едва успел сделать тот самый глубокий вдох.

Яркая вспышка, ощутимая даже сквозь закрытые глаза.

6

– Проснулся? – его осторожно взяли за плечо. Николаев поморгал – перед глазами постепенно прояснялось. Понял, что лежит на спине, что вокруг тепло. И что левой рукой держит что-то – похоже, портфель.

– Где я? – он уселся. Где-то в лесу. Хвойный лес, солнце, запутавшееся в кронах сосен. Лето.

Рядом сидела Мария. Всё в том же чёрном плаще, чёрной повязке. Рюкзак – похоже, её рюкзак – стоял рядом.

– Там, где и я. – Она улыбнулась. – Пока всё, что знаю. Нормально? Голова не кружится, не тошнит? Меня первые три раза наизнанку выворачивало, вспомнить противно.

Вот сейчас он её разглядел. И почему казалось, что она коренастая? Вовсе нет – стройная, не сказать – тощая. Длинные чёрные волосы – настолько чёрных Николаев не видел ещё. А только что была коротко подстрижена. И глаза – тёмно-карие, завораживающие. Ещё бы не хмурилась и не морщилась, ей это совсем не идёт. Николаев понял, что в кармане куртки подозрительно пусто.

– А где...

– Вон там, – Мария махнула рукой. – Лизнула тебя в нос, и убежала. Охотится, похоже. Ну что, подъём?

– Подъём. – Николаев встал сам – на удивление легко, хотя только что казалось, что ноги не держат – и помог подняться Марии.

– Знаю, – она кивнула. – Что это было, кто мы такие, как я туда попал. Все с этого начинают. Можно тебя попросить?

– О чём?

– Не спрашивай. Что-то мне хреново, злая я. Надо радоваться, наверное, а я злая. Не спрашивай пока, сама расскажу, как смогу. А сейчас идём – надо понять, где мы, и остальных найти.

– Они тоже здесь?

Мария кивнула и поймала его за руку.

– Бластер, – указала она на кобуру. – Проверь, где он. Если нет на месте, обычно где-то поблизости.

Бластер оказался в кобуре, но... всё та же китайская дешёвая поделка. Николаев для пробы «пальнул» в воздух – вспышки света, рокот. Недоумённо почесал в затылке.

– Это нормально, – Мария улыбнулась, и достала из-под куртки тот диск. – А вот моя игрушка. У меня таких три. Сейчас тоже – просто диск.

Старый-престарый видеодиск, картинка на верхней части почти вся слезла, но надпись ещё читается: «Рыжая Соня».

– Так ты им хотела кошку... – Николаев провёл ладонью по горлу.

– Им. – Мария спрятала диск. – В общем, так, Сергей. Без обид, да? Я последние дни сильно не в духе. Устала от всего этого. И у меня простое правило: если ко мне лезут, куда не просила – сразу в лоб. Ясно?

– Ясно. – Николаев огляделся. – Без обид. Кошка! Кошка? Кис-кис-кис?

– А имя у неё есть?

– Это и есть имя. А, вон она. Кошка! Мы уходим, ясно?

– Во умная! – поразилась Мария, когда заметила, что Кошка вприпрыжку мчится к ним.

– Вон там железная дорога, – указала Мария. – О, черника! Обожаю. Будешь чернику?

– А мы не торопимся?

– Всегда есть два дня минимум. Пять минут ничего не решат, а мне ягоды хочется.

– Ладно, привал. – Николаев выпустил Кошку – погулять – и зверёк тотчас умчался куда-то в сторону. А сам Николаев уселся на ближайший пенёк и открыл портфель.

Паспорт лежал, где и раньше, но теперь в нём значилось: Семёнов Владислав Петрович. Очень мило. Ещё два-три раза, и начну забывать, кто я на самом деле, подумал Николаев. Как это понимать? Ладно, обещала рассказать – подождём. В портфеле валялись ещё какие-то бумаги, но то были чертежи, без пояснений и наименований. Не то склады, не то ещё что-то. Надо ими тщательнее заняться, но не в лесу. И всё та же пачка денег, на вид – тысяч пятьдесят.

Плюс лёгкие брюки, чёрные ботинки, светло-бежевая рубашка, куртка и берет. В куртке жарко, придётся Кошку на плече нести.

– Деньги есть? – поинтересовалась Мария – вроде бы отошла всего на пять минут, а вернулась с пригоршней ягод. – Угощайся, полезно для здоровья. У меня никогда денег нет поначалу, зла не хватает.

– Спасибо! – Ягоды никогда особенно не любил, но сейчас они показались райским угощением. – Деньги есть. Тебе сколько нужно?

– Тысяч двадцать, если не жалко. Придётся нужно, я в этом запарюсь, – она посмотрела на свой плащ. – Да и вообще, пора переодеться. Пошли дальше?

– Это Омск, – заявила Мария с уверенностью, когда они добрались до шоссе. – Пригород. Отлично. Тогда так: сначала в центр, там я малость приоденусь, потом поесть чего-нибудь – потом искать, где остановиться. Нормально?

– Нормально. Ты и в Омске была?

– Я здесь родилась. – Мария помахала рукой, и через несколько секунд остановилось такси. – Нам в Омск, – заявила она и назвала адрес. – Можно с ветерком.

– А сколько стоить будет, знаете? – поинтересовался водитель.

– Всё в порядке, шеф. – Николаев дружелюбно улыбнулся. – Знаем.

Кошка сидела молча в кармане. Николаев время от времени запускал руку в карман. Там ему облизывали палец и начинали громко мурчать. Кошка, похоже, охотница – вон как пузо набила. Нет, надо уже озаботиться лотком, и что там ещё нужно, чтобы кошка была счастлива?

Мария молчала всю дорогу, лишь смотрела в окно и улыбалась. Николаев последовал её примеру – стало ощутимо легче.

В центре, в смысле у ЦУМа, Мария оживилась. Видно было: знает, что хочет. Николаев ходил за ней и расплачивался, брать наличные она отказалась наотрез. Ладно, у всех свои пунктики. Пока работал таксистом, такого навиделся и наслушался – ничто в людях не удивит.

Повеселевшая Мария, теперь в модных летних туфлях, майке и джинсах, шла по улицам, чуть не приплясывая. Как мало человеку нужно для счастья. Они завернули за угол и...

– Дядя Гоша! – Мария с радостным визгом бросилась на шею улыбающемуся мужчине. А вот выглядел так же – кожаная куртка (в такую жару?), мохнатая кепка, брюки. Стоял и курил возле ларька. – Ой, как здорово! Сергей, ну иди же сюда!

– Очень, очень рад! – Георгий Платонович крепко пожал руку Николаева, и не менее крепко обнял, чем окончательно привёл в себя. – Ну молодцы! Как добрались?

– Нормально, дядя Гоша! Дайте ваш номер!

Дядя Гоша протянул ей листик бумаги.

– С деньгами всё в порядке? – поинтересовался он. Мария и Сергей переглянулись (Сергей подмигнул ей), и Мария кивнула. – Ну и отлично. Если квартира нужна, – дядя Гоша обернулся, выискивая кого-то взглядом, – во-о-он к той бабушке подойди. Скажи, дядя Гоша посоветовал. Чисто, недорого, в одном квартале.

– Ой, спасибо! – И она ещё раз обняла его. – Дядя Гоша, мы пойдём обедать и вообще, ладно?

– Конечно, конечно, – улыбнулся Георгий Платонович, и снял кепку. – Сергей, можно на два слова?

– Я пока к бабушке, – Мария указала направление и убежала.

– Слушай. – Дядя Гоша обнял его за плечо. – Вижу, тебе тяжело. Держись с ней, и не обижай, хорошо?

– И не думал обижать, Георгий Платонович.

– Она никому не доверяет, – пояснил дядя Гоша, добывая ещё одну сигарету. – Кроме меня, может быть. А тебе доверяет. Если что, звони. – И вручил такой же листик.

– Спасибо. Дядя Гоша, – само как-то вырвалось, – простите, а кем вы работаете?

– Часовщиком. – И он указал на вывеску на ларьке, возле которого стоял. – Я всегда часовщик. Любимое дело. – И подмигнул. – Отдыхай, Серёжа. Набирайся сил.

Рукопожатие оказалось крепким. Во силища!

7

– Даже не знаю, с чего начать. – Мария потёрла лоб. – Давай с тебя начнём. Тебя сбила машина, верно?

– Можно и так сказать. – Николаев вздрогнул, припомнив последний сон. – Я был в машине.

– Со всеми так. – Мария налила себе минеральной воды. – Блин, я когда-нибудь сопьюсь. Не давай мне пить, ладно?

– Даже воду?

– Только разбавленную, – она улыбнулась. – И почему кажется, что я тебя давно знаю? Кроме шуток! Ну так вот. Мы все тут попали под машину. Кого-то сбило, кто-то сам был в машине. И вот мы тут, блин. Две-три недели можно жить нормально, а как наступит полнолуние – всё как вчера, понял? Начинается конец света. Главное, дожить до полудня, по Гринвичу.

– А что в полдень?

– В двенадцать часов двенадцать минут двенадцать секунд мир исчезает. Ну, как вчера. А нас всех куда-то ещё переносит, и всё по новой. Две-три недели, и снова конец света. Если держать кого-нибудь за руку, то окажешься где-то рядом с ним. Федя у нас самый головастый – у него остальные подробности.

– Ясно. – Николаев отпил из своего бокала. Не то чтобы стало понятнее, но появилась какая-то опора под ногами.

– Слушай. – Она взяла его за руку. – Будет жутко хреново. Тебе ведь уже снилось, как тебя сбили, да? Снилось?

– Снилось. – Николаев опустил взгляд. Стало тоскливо и неприятно. Мария взяла его за руку.

– Посмотри вокруг, – она обвела всё взглядом. – Этим людям осталось две или три недели. Потом они все умрут, ясно? Или просто исчезнут, или как вчера – жуткая, неприятная смерть. А мы останемся. Мы всегда, блин, остаёмся.

– Хочешь ругаться – ругайся. Я и не такое слышал.

– Да, ты же таксист, – она рассмеялась. – Не похож ты на таксиста. Верь или не верь, тебя сюда занесло надолго. Может, навсегда. Тебе нужно продержаться первую неделю, потом будет легче. Если хочешь, помогу. Но помни, чуть что – сразу в лоб.

– Спасибо, Мария. – он поднял взгляд.

– Маша. – она допила стакан и налила себе из сифона ещё. – Слушай, как в старые времена, сифоны!

– Спасибо, Маша. – ему стало зябко и тревожно, невзирая на жаркий летний день. – Говоришь, первую неделю?

Она покивала.

– Станет легче, привыкнешь. Я уже пятнадцатый год привыкаю. А дядя Гоша тут сорок лет.

– Сколько?! Шутишь?

– Такими вещами не шучу. – Она посмотрела ему в глаза. – Слушай, идём на квартиру. Приведу тебя в порядок. И Кошку твою обустроим, ей тоже дом нужен.

– Проходи, – позвала Мария. – Дверь закрой сам, тут замок не защёлкивается.

Николаев машинально повесил портфель на вешалку. Только если нёс что-то тяжёлое, ставил его на пол.

«Папа? Папа пришёл!»

Голос Дениса – показалось или нет? Если показалось, то настолько явственно, что на секунду стало очевидно: всё, что было до того – дурной сон. Потерял сознание, потом непонятно как приехал из той больницы, и вот он, дом. Сейчас посидеть, вручить сыну игрушку, и рассказать, какая чертовщина примерещилась. Всё, конечно, сыну не расскажет – расскажет Марии. *Своей* Марии. А сейчас и она выйдет, улыбнётся и скажет, вытирая ладони о фартук, «Ты уже? У нас уже всё готово».

Голова закружилась. И сразу вспомнилось: Даша, выбегает, удивление и радость на её лицеж их троих, с Дашей и Еленой разговоры, а потом – кровь на губах и лице Даши, белые, как восковые, глаза, рёв и шипение. У меня и у них отняли жизнь, подумал Николаев, и злость накатывала – не остановить. Всё отняли. И за что, интересно? Что я такого натворил, чтобы со мной так?

Ему померещился вой и шипение из соседних комнат. Бластер сам собой лёг в руку, вновь оказался тяжёлым – вот эта едва заметная кнопка снимает с предохранителя, а это – выбор режима стрельбы, сейчас – точечный, лучом.

– Сергей? – в прихожую вышла Мария. Эта, *здешняя* Мария. Она увидела выражение лица Николаева, бластер в его руке. Заглянула в карман своей вновь купленной куртки. Все три диска равномерно светились синим цветом.

– Чёрт, не может быть! Сергей! – Но он смотрел словно сквозь неё. И доносились, смутно вроде, крики с улицы, и звуки выстрелов, и ещё что-то. – Нет! Очнись! Сергей, очнись! Не сейчас! – она вцепилась ему в плечи, тряхнула, а он стоял, глядя насквозь – и такой ненависти она давно не видела ни на чьём лице. Дала ему пощёчину – словно и не заметил.

Она прижала его к себе, и поцеловала.

Николаев очнулся. От слов, но в первую голову – от поцелуя. Его он потом не мог забыть, сколько времени ни проходило, что бы ни случалось. Ушёл гнев, остыла ненависть, ушла обречённость. Были только он и Мария – стояла, прижимала его к себе. Отпустила и отошла сама, прижимая ладонь ко лбу.

– Господи, – прошептала она. – О боже мой...

Телефон. Её телефон – Николаев машинально полез в свой карман, проверить: там лежал новенький мобильник, Мария решительным тоном потребовала купить. Не он.

Мария не сразу сумела достать телефон – руки дрожали. А Николаев понял, что держит в руке бластер, но снова – игрушку. Осторожно вернул его в кобуру.

– Да, дядя Гоша. – Голос Марию тоже не слушался. – Нет, всё прошло. Да, наверное он. Я буду рядом, конечно. Извините.

Она схватилась ладонью за дверной косяк и долго так стояла, опустив голову. Потом спрятала телефон и выпрямилась.

– Не делай так больше! – Она посмотрела в его глаза. – Давай угадаю: за что это мне, пусть всё пропадёт пропадом, я вам сейчас покажу.

– Почти угадала. – Признаваться было нелегко. Она что, мысли читает?! – Откуда знаешь?

– От верблюда. – Мария слабо улыбнулась. – Давай говори, как тебя в чувство приводить. Что помогает лучше всего. Всё, кроме постели, устрою. Ну, говори!

– Ты не всё рассказала. – Они сидели в здешней гостиной, и на столике было пиво, вино и закуска – пиво Мария пить отказалась, а по поводу вина сказала: как выпью второй бокал, спрячь и не отдавай. Второй бокал стоял, полный наполовину.

У бабушки водился видеопроектор. И телевизор, вполне неплохой. Цены, конечно, далеко не самые низкие в городе, тем более за квартиру в центре, и всё такое, но дяде Гоше Мария верила твёрдо, дурного не посоветует. Так вот, сидели, и смотрели «Семнадцать мгно-

вений весны». Нашлось в киоске в магазине напротив, но туда Мария наотрез отказалась идти одна. Вместе и сходили.

Они сидели, и вскоре она перебралась ему за спину, уселась там, обняв и положив голову ему на плечо. Отпусти их, сказала ему *эта* Мария не так давно. Не вспоминай, не береги себя. Всё равно будут сниться, каждую ночь. Они там, ты здесь. Это здесь каждое полнолуние конец света, ясно? А там они могут жить ещё долго и счастливо. Может, потому там и не происходит конца света, что здесь он каждый месяц, как по часам.

Кончилась девятая серия. Николаев нажал на паузу. Сделай санитарную паузу, несколько раз требовала Мария. И хохотала, когда он потребовал объяснить, в первый раз, что это такое. В туалет, потом умыться и добавить на стол, вот что это. Я тоже это кино люблю, понял? Смотрим вместе!

– Не всё. – Она погладила его по голове. – Пока не надо всё. Тебе повезло, сразу с нами встретился. Я вот первые одиннадцать раз одна была. Потом расскажу, может быть. Тебе снится, как летишь головой в стекло, да? А я вижу каждую ночь, как меня переезжает и, прости, кишки наружу лезут. Вот такие у меня весёлые сны. Извини, что во время еды.

– Извини. – Он нашёл её руку, легонько сжал. – Трудно во всё это поверить.

– Ты же помнишь свой бластер. Ведь поверил? Не стоял, не трясся – сразу понял, что всё взаправду, да? Повторяй почаще две вещи: они живы, там. И ты жив, здесь. И другим помогаешь выжить, вот и всё.

– Это уже три вещи.

– Блин, все мужики такие зануды! – Она потёрлась лбом о его шею. – Без рук! Ну что, санитарная пауза? Мне уже надо. Чёрт, вроде столько уже выпила, а голова ясная.

– Нет. – Он взял её за руку – просто пожелать спокойной ночи – но Мария легонько оттолкнула его. – Не сейчас. Тебе не я нужна, тебе *она* нужна.

Он смутился.

– Всё в порядке. – Она легонько потрепала его по щеке. – Завтра будет лучше. Ну, выбери, где будешь спать.

Теперь он спал чутко. Кошка весь день и вечер о себе не напоминала: нашла себе уголок повыше, забралась туда и всё – дрыхнет без задних лап. Ночью пришла и улеглась в ногах.

Он приподнялся – теперь на любой шорох просыпался, хотя почти сразу же снова засыпал. Кошка пришла ему под бок, и, едва человек начинал шевелиться, принималась мурлыкать.

Топот. Лёгкий удар – это дверь, которую стремительно распахнули, шум льющейся воды. И характерные, неприятные звуки. Николаев сорвался с места (успел заметить, что кошка встrepенулась и поскакала следом), добежал до ванны.

Мария стояла, склонившись над ванной, упираясь ладонью в стену. Николаев схватил ближайшее полотенце – свежо в квартире, дует по полу – набросил ей на плечи. Она сумела выпрямиться и молча прижалась к нему.

– Сейчас пройдёт. – Голос Марии дался не сразу. – Восемь лет уже не было. Ну, почти не было, раз или два в месяц.

– Тошнит после того сна?

Она кивнула.

– Идём, я там вчера колёс купила. Как раз от этого. Отличный сон, с цветом и запахом. – Её передёрнуло.

На кухне она долго сидела, уже после того, как таблетки подействовали. Отпивала из стакана с водой и смотрела перед собой. Иногда губы её едва заметно шевелились.

– Идём ко мне? – Она посмотрела в его глаза. – Ты у стенки, я с краю. А то могу не добегать. Но без глупостей, ладно? Просто побудь рядом.

– Без глупостей я долго не умею. – Он помог ей подняться. – Идём.

– Я тебя точно знаю откуда-то. – Мария шла с трудом, ноги плохо слушались. – О, Кошка, и ты здесь. Иди, помурчи мне, а?

8

– Сегодня ты за мной ухаживаешь, – заявила Мария утром. – Что, всё хорошо? Ну, то есть лучше?

– Лучше, – согласился Николаев. Сегодня утром получилось подумать о жене и сыне так, что не захотелось снова найти кого-нибудь и жестоко убить. Им и так плохо, там. Оттого, что я здесь злюсь и схожу с ума, легче никому не будет.

– Умница. – Она потрепала его по щеке. – А я расклеилась что-то. Не давай мне сидеть и молчать, ладно?

– Хорошо. – Он взял её за руку. Оба уже сидели в гостиной, «при полном параде». Мария набросила легчайшую куртку – долго выбирала, чтобы были карманы, куда можно положить её футляр для дисков. Пока не объяснила, что это за диски такие, но Николаев помнил синеватую молнию, которая чуть не попала в Кошку. – Кошка, ты с нами?

Кошка, устроившаяся на шкафу, открыла правый глаз, потянулась и мяукнула. Отвернулась к стенке и свернулась, спиной к людям. Издалека было слышно, как она мурлычет.

– Здесь останется, – заметила Мария. – Где ты её такую взял? Кошки всё чувствуют, я знаю. Была бы беда, она бы не дрыхла. Ладно, пусть, ей тоже надо в себя прийти. Кошка, мы ненадолго!

– Что у тебя за диски? – спросил Николаев, пока они спускались по лестнице. Мария сказала: идём сейчас к дяде Гоше, у него есть адреса всех остальных. Надо со всеми встретиться, чтобы обо всем знать.

– Я за ними тогда шла, – Мария поправила солнечные очки. – Ну, когда меня задавило. Так в руке их и держала, когда под трактор свалилась. Может, поэтому они всё время со мной. Потом расскажу. Оружие, Серёжа, оружие. Сама не знаю, откуда они такие. Федя долго голову ломал, и Джеймс тоже. Так ничего и не придумали.

– Джеймс? Сюда попадают иностранцы?

– Люди кругом погибают, – она посмотрела на него, как на идиота. – Но обычно держатся со своими. Федя встречался с другими, как мы. Из других стран. Мы держим связь, когда можем.

– Ого! – Николаев впечатлился.

– А ты думал. Это сначала волком воешь, и утопиться пытаешься. А когда других находишь, всё по-другому. Блин, ну я разболталась! Хотя да, лучше болтать, чем молчать. Нам туда.

– Рад видеть, рад, – дядя Гоша тоже оделся по погоде. Но форма прежняя: кепка, куртка и просторные брюки. И сапоги. – Маша, дорогая, закажи нам всем пока, ладно? Мы сейчас подойдём.

– Конечно, дядя Гоша, – она расцеловала его в обе щеки и убежала на веранду соседнего ресторана.

– Вот телефоны и имена, – Георгий Платонович протянул лист. – Мы всем их сообщаем. Маша уже рассказала, зачем?

Николаев кивнул.

– Хороший ты человек, – дядя Гоша хлопнул по плечу. Во силища, в очередной раз поразился Николаев. И при этом часовщик! – Сильный. Маше последнее время плохо, и поговорить не с кем. Просить не буду, сам понимаешь.

– Всё понимаю, дядя Гоша, – Николаев поправил кобуру. Люди, конечно, смотрят в недоумении, да и пусть себе смотрят. Талисман, так решил. Раз помог мне выжить, пусть всегда будет рядом. – Буду рядом, мне тоже одному сейчас не очень.

– Не обижай её, – дядя Гоша помахал рукой Марии, которая указывала на столик. – И не расспрашивай. По себе знаю, лучше всё сразу не узнавать. Ну, идём? Вам сегодня бы повидаться с остальными. Или хотя бы созвониться.

– Маша так и сказала, – согласился Николаев. – Конечно, поговорим.

– Работал инженером, – пояснил Николаев. – Когда в стране начался бардак, моя работа кончилась. В итоге вот таксистом устроился. В общем, не жалею, хотя работа нервная.

– А я всю жизнь с часами работаю, – Георгий Платонович одобрительно покивал. – И дед мой работал, и прадед. Сразу вижу: не таксист ты. Что-то другое было. Значит, машину водишь. Только водишь?

– В автосервис собирался уходить, – согласился Николаев. – И ушёл бы, там интереснее.

– Замечательно! – дядя Гоша повеселел. – Если нужен будет шофёр, я позвоню, хорошо?

– Без проблем, дядя Гоша!

– Ну, хватит о прошлом, – дядя Гоша поманил официанта. – Завтра приглашаю всех на шашлык. Настоящий, с настоящим вином. Нет возражений?

– Никаких, дядя Гоша! – подтвердила Мария. – Если заданий нет, я новостями сегодня займусь.

– Заданий нет, – дядя Гоша покивал. – Вначале с Федей поговорите, у него могут быть новости. Ну, хватит о делах, обед ждёт!

– Какие ещё задания? – поинтересовался Николаев, пока они ехали в другой район города.

– Разные. Кто что может, тем и помогает.

– Кому помогает? Ничего, что глупые вопросы задаю?

– Я их тоже задавала, – Мария указала водителю. – Нам сюда, пожалуйста. Всем нам, – пояснила она, когда такси отъехало. – Пытаемся понять, почему всё это, и что можно изменить.

– Прямо тайное общество!

– А что, хорошая идея. Идём, идём, сейчас тебе Федя всё расскажет. Ой нет, сначала купи мне мороженого. Идём, покажу, какого. И ему купи. Очень любит, а сам никогда не попросит.

– Почему ты сама не платишь? И деньги не берёшь?

– Они у меня не задерживаются. Карман жгут. Что смотришь? На жизнь я зарабатываю, не беспокойся. Может, ещё больше тебя.

– Не злись, – Николаев вручил ей пломбир. Второй – Фёдору, ну и себе взял, хотя особенно не любил. Стеснялся при своих. – Ну, куда нам?

– Второй подъезд, третий этаж, – указала Мария. – Вот номер домофона.

– О, Маша! – Фёдору на вид лет двадцать пять, но манера держаться и речь его не очень соответствовали возрасту. – Замечательно выглядишь! – она обняла его с улыбкой. – Добрый день, Сергей, очень рад. Маша, я так понял, уже кое-что рассказала?

– В общих чертах, – согласился Николаев. – Если честно, до сих пор не верю. Не во всё. Фёдор покивал.

– Ешь давай, вкусно, – Мария протянула ему пломбир. – Все свои, чего тут стесняться?

– Спасибо, – Фёдор явно смутился. – Что ж, тогда идёмте на кухню. Чай? Кофе?

– Чай, – шепнула Мария. – Он его классно делает.

– Чай, – выбрал Николаев.

Фёдор заварил чай, поставил на стол множество десерта – от варенья до печенья и конфет. На всё ушло минут десять, никто не говорил – Мария с Николаевым доедали свой пломбир, а Фёдор сосредоточенно занимался чаем.

– Что ж, давайте пока о самом главном, – он поправил очки. – Маша сказала вам про месячную цикличность, верно? Мы выяснили не очень много интересного, но... Ах, да, – он улыбнулся. – Извините. Фёдор Сергеевич Первушин. Попал сюда двадцать третьего сентября тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года. Работал главным инженером проекта, – он протянул руку. – Маша здесь с тысяча девятьсот девяносто пятого года, а вы...

– Николаев Сергей Васильевич. Тридцать первое декабря две тысячи девятого, – Николаев не думал, что сможет сказать так спокойно.

– Сочувствую, – Фёдор был совершенно серьёзен. – У нас всех были родные и близкие. Не моё, конечно, дело, но можно два совета?

– Попробуйте, – Николаев чувствовал себя необычайно спокойным. Мария нашла под столом его ладонь и сжала в своей.

– Не пробуйте самоубийство, – Фёдор поправил очки. – Здесь почти все пробовали. Может, кроме меня, Дарья Васильевны и Георгия Платоновича. Ну и Михаила Петровича, конечно.

– Почему? – Николаев чувствовал, что его ладонь сжали сильнее.

– Вас вынесет в нестабильную область. Простыми словами: вы снова придёте в себя, всё будет как в нулевой точке, но конец света вокруг уже будет происходить. И всё.

– Что, если меня... не знаю, съедят во время этого самого конца света?

– То же самое. Со мной такое случалось несколько раз, ничего приятного.

– Ешь, – приказала Мария. – Растает. Мы подождём. Серёжа, чаю налить?

Фёдору явно нравился пломбир. И действительно, смущается этого.

– А второй совет? – чай произвёл магическое действие, Николаеву сразу полегчало во всех смыслах.

– Не напивайтесь. Я в широком смысле: наркотики тоже не помогут.

– И что будет?

– Болото, – хмуро ответила Мария. – Очнёшься в болоте, в самой трясине, и будешь тонуть. Долго, с подробностями. А как снова очнёшься – чуть ближе к берегу, но снова в болоте.

– Примерно так, – согласился Фёдор. – У каждого своё, как говорит Маша, болото. Попадёте в ловушку. В конечном счёте вас отпустят, но придётся много раз умереть неприятной смертью. Такие вот тут порядки.

– А вы знаете, отчего всё так?

Фёдор развёл руками.

– Здесь сейчас сотни таких, как мы, – пояснил он на словах. – Много очень умных людей, но – никто не знает, отчего. Есть факты, и всё. Вы ведь тоже инженер, верно?

– Был, – согласился Николаев.

– Замечательно! Очень нужен свежий взгляд на наши теории.

– А зачем вы заставили всех смотреть в зеркала?

– Долго объяснять, – Фёдор протянул брошюру. – Вот тут всё, что известно. Почитайте. Если вкратце: мы думаем, так можно вернуться. В нормальный, обычный мир, где не происходит конца света каждый месяц.

– Или умереть, – спокойно добавила Мария.

– Или умереть, – согласился Фёдор. – Пока нет единого мнения, чем это всё может кончиться. Да, чуть не забыл самое главное. Если сегодня увидите Дарью, не относитесь к ней как к девочке десяти лет. Она здесь пятнадцатый год.

– Не очень понимаю, – признался Николаев.

– Когда происходит коллапс реальности, – Фёдор посмотрел в его глаза. – Ну, простыми словами, в двенадцать часов двенадцать минут и двенадцать секунд по Гринвичу – вы возвращаетесь в нулевую точку. При вас обычно одни и те же вещи, и вы возвращаетесь в биоло-

гически одно и то же состояние. С гарантией переносится только память. Тело возвращается в исходное состояние.

– Мне сейчас было бы тридцать пять, – пояснила Мария, – а выгляжу всё так же на двадцать. Даше сейчас двадцать четыре, а выглядит всё равно на десять.

– Верно, верно, – покивал Фёдор. – Мне было тридцать два. Сейчас мне было бы за шестьдесят, если предположить, что время здесь идёт с той же скоростью.

– С ума сойти, – признал Николаев. – А оно идёт с той же скоростью?

– С той же. Опыты ставили. Если хотите, расскажу подробнее.

Николаев потёр лоб.

– Давайте не сейчас, – попросил он. – Мне бы переварить то, что уже услышал. Я могу позвонить, если...

– Обязательно, – заверил Фёдор. – В любое время. Я поздно ложусь и рано встаю.

– Дядя Гоша приглашает всех на шашлык, – Мария обняла Фёдора. – Завтра. Мы заедем. Не скучай!

9

– Входите, входите, – им открыла дверь та женщина, похожая на учительницу. – Маша, ты замечательно выглядишь! – улыбнулась. – А вас зовут Сергей Васильевич, я помню. Курчатова Надежда Петровна, очень приятно. Даша! Подойди сюда, пожалуйста!

Девочка – та, с которой говорил дядя Гоша там, в учительской – выскочила из-за угла коридора.

– Ой, Маша! – бросилась той на шею. – Всё хорошо, да? Нормально добрались?

– Даша, – представила её Надежда Петровна. – Петрова Дарья Васильевна. А это Николаев Сергей Васильевич. Обедать хотите?

– Ой, мы только что от дяди Гоши, – помотала головой Мария. – Уже обедали. Только кофе, если можно.

Надежда Петровна посветлела лицом.

– Что ж, мы как раз собирались пить кофе. Даша?

– У меня всё готово, – девочка отпустила Марию и подошла к Николаеву. – Здравствуйте!

Вы в первый раз, да?

– Даша! – укоризненно покачала головой Курчатова.

– Ой, да ладно, тётя Надя, я что, маленькая?

«Не относитесь к ней, как к десятилетней девочке».

– В первый раз, – согласился Николаев. – До сих пор не понимаю, как уцелел.

– Вы хорошо держались, – похвалила Дарья. – Ничего, теперь везде продаются мобильники, не потеряемся. Расскажите? О себе расскажете?

– С удовольствием, – Николаев легонько пожал её руку и едва заметно поклонился. Дарья рассмеялась и потянула его за собой.

– Что ж, начнём с копилки, – Надежда Петровна улыбнулась. – Мы с Дашей работаем сберкассой, – пояснила она Николаеву. – Даша?

– Уже несу! – Дарья появилась в гостиной с игрушкой в руках. Плюшевый мишка – точь-в-точь Винни-Пух из советского мультфильма. Очень симпатичный и большой – в треть роста самой Дарьи. Она уселась поудобнее и осторожно расстегнула застёжку-молнию на спине медведя. – Вам сколько? Маша? Сергей Васильевич?

– Можно просто Сергей, – Николаев не мог поверить, что Дарье уже двадцать четыре. Наверное, не самое приятное – «застрывать» в детском возрасте. – У меня самого было шестьдесят пять тысяч. Сейчас сорок две.

– В этом году мы выдаём по сто пятьдесят, – пояснила Дарья. – Если что останется, и нужно будет перенести... ой, а у вас что, всё сохранилось? Всё, что было в портфеле?

– Сохранилось, – подтвердил Николаев, и Дарья захлопала в ладоши.

– Как здорово! Сергей Васильевич, тогда помогайте нам!

– Всё, что она спрячет в игрушку, а Надежда Петровна в ридикюль, всё переносится, – пояснила Мария. – А у меня только сам рюкзак и диски переносятся. Всё остальное пропадает. Ну, кроме одежды. Вот такие пирожки.

– Давайте проверим, – согласился Николаев. – Если уцелеет, принимайте в ряды сейфов. Дарья рассмеялась.

– Вот, – вручила ему перевязанные пачки банкнот. – Это вам обоим. Маша, где такие шикарные джинсы нашла?

– Если хочешь, покажу. И вообще, может, поедем по магазинам денёк? Сергей у нас шофёр, – пояснила Маша. – Здорово, да?

– Вы скорее на инженера похожи, – покачала головой Надежда Петровна.

– Я и был инженером, – и Николаев рассказал, ещё раз, свою историю. Ту, что Фёдору уже рассказал.

– Вы наш спаситель! – всплеснула руками Курчатова. – Представьте, никто не умеет водить! Михаил Петрович умеет, конечно, но годы не те, реакция подводит. Поможете?

– С удовольствием, – согласился Николаев.

– Вот и славно, – покивала головой Надежда Петровна. – Ну, кому ещё кофе? Сиди, Даша, сиди, я сама.

– У меня завтра день рождения, – сообщила Дарья, отчего-то шёпотом, когда Курчатова покинула комнату. – Ну, то есть был бы, если...

– Мы поняли, – покивала Мария. – Давай завтра и устроим – там, у дяди Гоши. Даша, мы поехали, нужно остальных повидать. Ну, кофе выпьем, то есть, и поедем. Позвонишь ближе к вечеру, ладно?

– Сейчас к Петровичу, – заявила Мария. – А остальным я позвоню, всё равно всех завтра увидим, на шашлыках. А потом подумаем, что Даше подарить на день рождения.

– Похоже, Жора тебе не очень нравится, – заметил Николаев. Припомнил, как Мария глядела на жизнерадостного Жору там, в учительской.

– Пьёт, зараза, причём всё подряд, – мрачно отозвалась Мария. – И клеится постоянно, сил нет. Что он, что Валерка со Стёпкой. Дашу-то и тётю Надю никто не трогает, Маша за всех отдувайся. Слушай, если я тебе ещё не надоела, можно, я с тобой и поживу? Хоть спокойнее немного будет.

– Да, конечно, – согласился Николаев. – Не надоела, – уточнил он, и его обняли и поцеловали.

– Ой, спасибо! А вон, смотри, вон Петрович, в парке играет.

– Вот молодцы, – обрадовался Петрович. – Сергей, присматривай за нашей Машей. Такое иногда вытворяет!

– Ой, да ла-а-адно, дядя Миша! Одна Маша, что ли, вытворяет? Дядя Миша, вы лучше скажите, что вам нужно, чем помочь.

– А я уже устроился, – довольно улыбнулся Петрович. – Мы с Георгием раньше всех успеваем. Нет-нет, у меня всё в порядке. Вы лучше отсыпайтесь, в этот раз почти месяц впереди. Отдыхайте, пока можно. Сегодня как следует выспаться, а завтра мы вам с Георгием устроим культурную программу.

10

– Чем занимаешься? – Николаев устроил в комнатах небольшую уборку (Кошка неодобрительно смотрела на пылесос со шкафа, вздрагивая всей собой), это помогло отвлечься от ненужных мыслей. Мария же, обзвонив всех остальных, достала из пакета кипу газет – на обратном пути во всех встречных киосках что-нибудь, да покупала – и принялась их листать.

– Смотрю новости, – отозвалась Мария. – Сигнал ищу, – добавила, посмотрев в глаза Николаеву. – У нас так: первый, кто добирается до почтамта, или что поблизости есть, обязательно оставляет объявление. Если есть газеты бесплатных объявлений, там тоже публикует объявление. В каждой. Ищу, может, кто ищет связи.

– У вас всё так продумано, – покачал головой Николаев, и сел рядом.

– У «нас», да? Ты же с нами? Или как?

– У нас, извини.

– Ничего, ты просто не до конца поверил ещё, – она прижалась к нему, и положила голову на плечо. – Займись делом. Только не думай, что я командую! Вон газеты, – она показала взглядом на уже просмотренные. – Даже не знаю... может, поищешь, где можно машину взять напрокат? Или купить? Даже не знаю, сколько сейчас хорошая тачка стоит. Такая, чтобы ездила, можно без понтов.

– Понял, – Николаев придвинулся, взял газеты и свой мобильник.

– Серёжа, – она взяла его за руку. – Только не молчи, ладно? Я смеяться не буду, у меня всё это было уже. Будет плохо – так и говори. Только не молчи!

– Так точно, – он улыбнулся. – Всё верно.

Буквально через пару газет он нашёл целый список номеров, и буквально на пятом улыбнулась удача – продавался, считай за бесценок, «УАЗ Барс», в хорошем состоянии.

– Ты и такую древность водишь? – удивилась Мария.

– Отец такие водил, – пояснил Николаев. – Если в хорошем состоянии – то, что нужно. Я так понимаю, нам не только по асфальту ездить.

– Сейчас поговорю с Жорой, – Мария взяла трубку. – Он у нас спец по всяким оформлению и всему такому.

– Сколько же у нас денег в сберкассе? – поинтересовался Николаев, когда Мария закончила разговор, по всему видно – удачно поговорили.

– Много. Мы тут все вкальваем, кто как умеет. Что остаётся, всё в копилку, у кого переносится – с собой переносит. Так и живём.

Ясно. Николаев видел, какими глазами Мария смотрела на одежду, когда выбирала – и какую выбрала: не самое дорогое, хотя финансы позволяли, но удобное и просто красивое – глаз потом не отвести. И – всегда без денег поначалу. Будешь тут злиться.

– А ты как зарабатываешь? Ничего, что спрашиваю?

– Ничего. Не скажу! – показала ему язык и рассмеялась, вместе с ним. – Ничего неприличного, не бойся. По-разному зарабатываю, вот и всё. У меня не было профессии, уже здесь всему училась. Дядя Гоша какие хочешь часы починит, а за это хорошо платят. Валера – по электронике всякой, там тоже находится много чего. Тётя Надя у нас учительница, детей репетирует. В общем, всегда найдётся, не беспокойся. Ну всё, сигнала пока нет, – она откинулась. – Малость отдохну и продолжу. Ого, уже шесть! Что-то Даша не звонит.

Телефон тут же зазвонил.

– Даша, привет, – повеселела Мария. – Конечно, приезжай, – встретишься взглядом с Николаевым, тот кивнул. – Да, да, там выйдешь по ходу движения и направо. Я сейчас подойду, встречу тебя.

– Пойти с тобой? – Николаев встал.

– Нет, вот тебе партийное задание: дойдёшь до ЦУМа и посмотри, что есть из этого, – протянула ему листок. – Только спрячь, чтоб сразу не увидела! И поешь чего-нибудь – там тоже написано. Даша не пьёт, но чай очень любит. Кошка, пока-пока!

Мария «заказала» несколько детских книг – старых-старых, советских, их сейчас снова переиздают. Настоящие детские книги, не то что весь тот хлам, которым магазины завалены. Сам Николаев Денису выбирал только то, что сам в детстве читал, ничего прочего в дом не пускал. Обижались некоторые родственники, а что поделывать? Если человек с детства мусором голову забивать станет, что в той голове останется?

Не считайте её девочкой десяти лет. Чёрт, а чем можно порадовать девушку двадцати пяти? Когда за Марией, *той* Марией, ухаживал, и потом, когда уже вместе жили, покупал ей украшения. Из натурального камня. Именно из камня и янтаря ей нравилось больше всего. Рискну, подумал Николаев и вспомнил, как выглядит Даша, *здесьняя* Даша. Волосы русые, глаза серые; в ушах, он запомнил, серёжки – серебряные с красным камнем – и одевается в светлое. Рискну. Покажу Марии, пусть поможет выбрать, что именно.

– Слава?!

Он не сразу понял, что окликают именно его.

– Слава! – обрадовалась женщина, вместе с дочерью лет девяти. – Даша, это же дядя Владислав! Откуда ты здесь?

Николаеву, на пару секунд, стало отчаянно нехорошо.

– Что с тобой? – женщина встревожилась.

– Лена? Даша? – предположил Николаев и они обе кивнули, улыбаясь.

– Ты не заболел? – Елена прикоснулась ладонью к его лбу. А он не мог прогнать её видения там, под раковиной в ванной. И Даша – она радовалась, явно радовалась встрече, а Николаеву мерещились пустые белые глаза и окровавленные клыки.

– Перегрелся, наверное, – Николаев усилием воли сбросил наваждение. – Я только что приехал, – пояснил он. – В командировку.

– Дядя Слава, идёте с нами! – позвала Дарья. – Мы тут рядом!

– Прямо сейчас не могу, – Николаев сумел взять себя в руки. – У меня дела сегодня и завтра. Давайте я послезавтра позвоню?

– Звони, когда хочешь, – Елена взяла его за руку. – Номер написать? Сейчас! И заходи. Ключ у тебя есть, да?

Николаев полез в карман брюк, в котором обычно держал ключи. Там было три: два от их с Марией квартиры, и... ещё один.

– Точно, – и Елена обняла его. – Слава! Мы очень скучаем! Обязательно заходи!

Он обошёл оставшиеся магазины, и успел окончательно взять себя в руки. И, когда пришёл домой...

– Дядя Серёжа! – Дарья кинулась ему в объятия. – Я уже соскучилась!

– Ты просто принцесса, – честно признался Николаев, когда Даша отпустила его и отошла на шаг. – Вот это платье!

– Сама шила! – гордо призналась Даша. – Ну, тётя Надя немного помогла, чуть-чуть.

– Вот даёшь, – покачала головой Мария. – Классно! Что, в Винни-Пухе прятала?

Дарья кивнула и рассмеялась.

– Хотела завтра надеть, – призналась она, – но не утерпела. Маша, да брось газеты, нет здесь больше никого. Уже всё проверили.

– Так, – Мария кивнула, когда Николаев указал глазами на куртку. – Даша, заваришь чай? Мы пока тут всё приготовим.

– Ага! – и девочка умчалась на кухню.

– Вот, – Николаев прошёл в дальнюю, «свою», комнату и осторожно вытряхнул из мешочка всё, что купил. – Хотел с тобой посоветоваться.

– Ух ты... – Мария не сразу обрела дар речи. Поцеловала Николаева. – Класс! То, что надо! Вот это ей точно понравится, – указала на обсидиановое ожерелье. – И вот это, – на браслеты из кусочков янтаря. Тёмный янтарь, местами почти чёрный. – Её цвета чёрный и красный. Здорово. А это? – она подняла малахитовое ожерелье.

– Это тебе, – признался Николаев. Мария долго смотрела на него, потом прикрыла глаза.

– Нет-нет, – она остановила его, когда он осторожно взял её за плечи. – Всё в порядке. Это от неожиданности, – и обняла его сама.

Так и замерла.

– Маша! – позвала её Дарья. – Зайди сюда, пожалуйста.

– Завтра надену, – пообещала Мария. – А это спрячь пока! – и убежала из комнаты.

Николаев вернул всё в портфель и уселся на диван, потирая лоб. Странно было на душе. Очень не по себе. И не только потому, что Мария как-то сразу стала своей для него. Фомины пришли на ум, Елена и Дарья. Что-то почти пробралось из глубин памяти. Я точно их помню, понял Николаев. По той ещё жизни помню. Они там тоже были, только не пойму, когда. Чёрт, почему не могу вспомнить?

– Дядя Серёжа? – Дарья вбежала и присела у дивана на корточки, чтобы заглянуть ему в лицо. – Вы что такой грустный?

– Ничего, Даша, – он смог улыбнуться. – Просто много всего сразу случилось.

Она покивала с серьёзным видом, взяла его за руку.

– Да, я знаю. Вы только один не сидите! Если вам с нами скучно, найдите ещё кого-нибудь. Дядя Гоша всегда всем очень рад, и дядя Миша.

– Так и сделаю, – он подмигнул. – Как только устану от вас, поеду к Георгию Платоновичу.

Дарья рассмеялась.

– Не устанете! Я вам кого-то напоминаю, да? У вас такой взгляд...

– Напоминаешь, – он поднялся на ноги. – Извини, не могу поверить, что ты уже взрослая.

Она вздохнула и поджала губы.

– Женщинам нельзя напоминать о возрасте! – и рассмеялась первой. – Я к вам приехала! Ой, не переживайте, Маша не обидится. Она и так понимает. Расскажите! Что сможете! – она понизила голос. – Если вам больно сейчас вспоминать, то потом. Что-нибудь хорошее расскажите, что *там* было, ладно?

– Обещаю, – и легонько сжал её ладонь. – Ну, идёмте пить чай и веселиться!

Кошка явилась в разгар веселья. Поняла, должно быть, что так может проспаться всю компанию, и явилась.

– Какая красавица! – Дарья была в восторге. – Взрослая кошка?! Ого! Иди ко мне!

Кошку не пришлось дважды уговаривать. Она запрыгнула на колени к Дарье, потёрлась щекой о подбородок девочки и решительным жестом вонзила когти в ломтик колбасы с ближайшей тарелки.

– Вот я тебя! – погрозила ей Мария. – Это что за манеры, Кошка?

– Ой, да ладно, – Дарья погибала от смеха. – Значит, хорошая колбаса, если кошка ест. Да, Кошка? Хорошая?

Кошка мяукнула, глядя Дарье в глаза, а потом уселась, так и держа ломтик, как на вилке, и принялась обкусывать его. С урчанием и жадностью.

– Обалдеть, – покачала головой Мария. – Никогда такого не видела. Ладно, сейчас достану ей тарелку. Даша, она тебе платье не порвала там?

– Нет, всё в порядке, – успокоила её Дарья. – Она на салфетке сидит. Откуда она у вас, дядя Серёжа?

Николаев рассказал. В общих чертах, без описания того, что случилось в доме Фоминых.

– Вы её с собой перенесли?! – не поверила своим ушам Дарья. – Слушайте, это ещё никому не удавалось! Феде обязательно расскажите!

– Точно-точно, – согласилась Мария. – И что я, дура, первой не догадалась? Всё-всё, молчу, не дура, – она подняла руки, наткнувшись на сердитый взгляд Дарьи. – Прости, вырвалось.

– Ты теперь наша, да? – Дарья погладила Кошку по голове, а та разделялась со второй порцией колбасы. – Наша Кошка! Будешь талисманом!

Кошка оторвалась от трапезы, посмотрела в глаза Дарье и мяукнула.

– Она согласна, – заметила Мария. – Ну, не знаю, как в вас, в меня больше не полезет. Отдыхаем и веселимся! Предлагаю так: пойти сейчас в парк, подышать воздухом, потом сюда – кино какое-нибудь поставим. А? Даша? Серёжа?

– Я согласна! – Даша обрадовалась. – Только, чур, кино я буду выбирать!

– Вместе зайдём, – Мария посмотрела на часы. – Они допоздна работают, но лучше сначала к ним зайти. Серёжа?

– Согласен, – Николаев поднялся из-за стола. – Спасибо за угощение, красавицы!

11

Николаев увидел, как радиатор грузовика – на этот раз боковым зрением заметил побледневшее лицо шофёра – ринулся навстречу... и сон оборвался.

Николаев уселся, впервые в жизни понимая, что такое – обливаться холодным потом. Кошка вначале ушла к девушкам – «у себя Даше постелю, заодно и посплетничаем», как сказала Мария. Надо полагать, Кошка тоже была не прочь посплетничать, или хотя бы послушать. Но вот появилась под боком у Николаева, и как – непонятно. Вроде дверь закрыл (не на ключ, правда), и Кошка не скреблась.

Тихо. Совсем тихо. Едва слышный шум с улицы – живой, мирный шум спящего города. Николаев осторожно пробрался в душ и минуты три стоял, подставляя себя то под почти кипяток, то под ледяную воду. Помогло. Минут через десять сцена аварии перестала повторяться перед мысленным взглядом, и стало легче.

Чёрт...

Он так же осторожно, на цыпочках, прокрался к себе, и лишь когда обернулся, чтобы прикрыть дверь, заметил – на кухне горит свет.

Минуты три ушло на то, чтобы одеться и убрать постельное бельё. Николаев тихо (пол не скрипит, замечательно) прошёл на кухню и легонько постучал.

Ему открыла Даша. Совсем не сонная, и сразу разулыбалась.

– Я выспалась, – пояснила она, прикрывая за ним дверь. – Мне двух часов хватает. Нет, всё в порядке. И к врачам водили, и всё такое. Просто хватает, и всё.

Она рисовала – на кухонном столе, чисто вытертом, застеленном газетой – лежали листы бумаги и карандаши.

– Здорово! – искренне похвалил Николаев, посмотрев на тот лист, что лежал поверх остальных. там явно была изображена Мария с Кошкой на руках. Карандашный набросок, линий всего ничего, но очень похоже. – Извини, не буду подсматривать.

– Смотрите, если хотите, – улыбнулась Дарья. – Вы мне не мешаете. А вы что проснулись? Сон?

– Сон, – неохотно признал Николаев, включая чайник. По словам Марии, спит она крепко, и мелочи вроде чайника за стеной её не разбудят.

– Я свой сон видела только одну ночь, – сообщила Дарья, усаживаясь за стол. – А потом только настоящие, хорошие сны.

– Интересно, – Николаев придвинулся к столу. – Расскажешь, как это удалось?

...Они шли, втроём, с новогоднего праздника. Дарья накануне шила игрушки – подарки – всем подругам. Одну не подарила, Светке – и то потому, что родители увезли её праздновать к бабушке. Ну и не страшно, потом можно подарить. Так и шла с Винни-Пухом, и двумя остальными подругами, Машей и Леной, и всем было весело, и дурачились всю дорогу. Обсуждали, к кому можно теперь пойти. Договорились, что к Дарье – предки пообещали ей, что может отмечать с подругами, при условии, что бабка этажом выше потом не придёт жаловаться на шум. Да и пусть приходит! Она вечно жалуется, тоже мне.

Горка вела через проезжую часть. Конечно, никто её такую не строил, сама получилась – крутой склон через дорогу, и снега выпало в том году – ужас сколько! Дорога пешеходная, по ней машины обычно не ездят. Вот и катались с той горки всей школой.

Никто не собирался скатываться, куртки жалко. Но вышла игра в снежки, весёлая, кстати, игра, и Лена толкнула Дарью, чтобы не дать той кинуть – Дарья бросала снежки без промаха, а остальные постоянно мазали.

Дарья поскользнулась и покати́лась с горки. Ничего страшного – ну испачкала бы куртку, и всё, дома отёрла бы. Новый Год! Ну кто будет всерьёз сердиться? Но именно в это время по дороге под горкой полз грузовик, увозил собранный с дороги снег, а водитель в ту именно секунду оглянулся назад, чтобы махнуть снегоуборщику.

Дарья больно удари́лась головой о поребрик, и уже пыталась встать, слышала крики вокруг себя, но не могла понять, что происходит – всё, что запомнила, это огромное колесо, надвигающееся на неё. Всё, что успела сделать – прижать Винни-Пуха к себе и закрыть глаза.

Она очнулась, и была зима, но другая зима, в другом городе – та же одежда, Винни-Пух в руках, кулёк конфет в кармане, подарок от Лены. Но одна. Дарья шла, не понимая, что это и почему, и прохожие её не замечали. А потом она испугалась, увидев грузовик – вспомнила то жуткое колесо, запах резины и дизельного выхлопа – и что-то с ней случилось, она кричала и металась, и отовсюду на неё надвигались грузовики.

Пришла в себя в больнице. Ей сказали, что ничего страшного, что выспится, успокоится, и приедут её мама с папой – спросили, кому позвонить. Дарья сказала, кому, номер помнила, но с той стороны были другие люди, и ни о какой Дарье Васильевне Петровой не знали. Дарье снова стало плохо, она ничего не могла понять. Ей сделали укол, и вскоре она заснула. И снилось ей всё то же колесо, раз за разом – как оно надвигается, и что-то хрустит, и становится жутко больно. Просыпалась, иногда рядом оказывалась медсестра, и снова засыпала.

Она проснулась под утро от плача. В палате она была одна, точно помнила. А сейчас на соседней койке сидела ещё одна девочка, в больничной пижаме, и горько плакала.

И никто не спешит на помощь. Винни-Пух дожидался Дарью на тумбочке возле кровати. Она схватила игрушку и сумела встать. Чувствовала, что выспалась, вообще было такое странное спокойствие.

– Не плачь, – попросила она девочку, осторожно усевшись рядом. – Что случилось?

Девочка отняла ладони от лица... и Дарья узнала её. Почему раньше не узнала, непонятно. Это была Елена Трофимова, та самая Лена, которая толкнула её с горки, под колёса машины.

– Даша?! – видно было, что Лена напугалась, но у неё нет сил кричать и бежать, только вздрогнула.

– Я, – Дарья обняла её. – Лена, что случилось? Почему ты здесь?

– Д-д-д... – она силилась выговорить имя подруги, и не могла. Просто разрыдалась, прижавшись к её груди. – Прости меня, Даша, – сумела она прошептать минут пять спустя. – Прости!

– За что? – Дарья и в самом деле удивилась.

– Я столкнула тебя, – прошептала Лена. – С горки, под грузовик. Я видела, как он тебя задавил.

По спине Дарьи пробежали мурашки. Нет, не может быть, ей всё это показалось!

– Вот же я, – прошептала Дарья. – Вот я, Лена! Никто меня не задавил!

– Я видела, – и Лена снова разрыдалась. Дарья сидела, прижимая её к себе, и ей начинало становиться страшно. Она не задумывалась ещё о том, что бывает с людьми после смерти. «Ничего уже не бывает», говорили родители. Другие люди говорили другое, но вопросы эти не очень занимали Дарью, если честно.

Лена рассказывала. Наверное, и сама не знала, что рассказывает и кому, просто нужно было это сказать. Они сбежали с той злополучной горки, а когда увидели, что стало с Дарьей, то Маше стало плохо, там же потеряла сознание, а с Леной случилась истерика. И ей повсюду стало мерещиться то, что было под колёсами грузовика, эта жуткая клякса, в итоге её увезли в больницу, да и там не сразу сумели успокоить.

– Ты жива? – тихо спросила Лена, когда выплакалась. Дарья так и сидела, прижимая её к себе, гладила по голове.

– Потрогай, – Дарья протянула руку. – Ты жива, и я жива, да?

– Прости, – прошептала Лена, схватив протянутую руку, глаза снова заблестели. – Я не хотела! Я правда не хотела!

– Прощаю, – Дарья снова прижала её к себе. – Со мной всё хорошо, ты же видишь. Не плачь!

Лена крепко обхватила её.

– Как тебя выпустят, придёшь? – спросила она. – Придёшь ко мне? Отметим Новый Год сами, да?

– Конечно, – улыбнулась Дарья. И тут Лена... растаяла. Не мгновенно, постепенно. Стала как дымка, туман, и пропала. Но осталось примятое место на койке, где она сидела. И место это было ещё тёплым.

Дарья прижала к себе Винни-Пуха, закрыла глаза и сидела так, пока, ещё минут пять спустя, её не заметила вошедшая в палату медсестра.

Николаев осознал, что так и сидит, рассказ Дарьи словно видел своими глазами и слышал своими ушами.

– Прости, – он взял Дарью за руку. – Я не хотел, чтобы ты снова это пережила.

– Мне стало спокойно, – Дарья улыбнулась. – В ту ночь. Потом был мой первый конец света, мне было очень страшно, да, но я никогда потом не злилась на Лену, и не желала ей зла. Наверное, я там, в больнице, всё поняла. – Она встала. – Чай заварю, – пояснила Дарья. – Сейчас свежую воду вскипячу и...

Она услышала первой и выбежала. Мария стояла, держась одной рукой за дверной косяк, а другой за горло.

– Нет-нет! – Дарья поймала руку Николаева, он хотел поддержать Марию. – Не трогайте! Не толкайте её! Я сейчас!

Она умчалась на кухню и через полминуты принесла стаканчик – колпачок из-под какого-то лекарства, а в нём немного прозрачной жидкости. Осторожно поднесла к губам Марии и вылила внутрь всё содержимое.

– Просто поддержи во рту, – Дарья смотрела в её глаза. – Просто поддержи, не пробуй глотать. Потерпи чуть-чуть!

Минут через пять Марии стало легче настолько, что сумела проглотить то, что оставалось во рту. И ей дали ещё. А ещё минут через пять она сумела дойти до кухни и сесть там на стул. Дарья сбегала за пледом и подушкой.

– Извините, – едва слышно прошептала Мария, подняв голову. – Вроде и на ночь пила все эти колёса, а толку нет.

– Сейчас чай будет, – Дарья погладила её по голове. – Выпьешь крепкого чая, станет лучше.

Половина пятого утра. Уже час они сидели на кухне – молча пили чай. Едва он заканчивался, Дарья заваривала новый, и каждый раз новый. Сортов чая Николаев купил восемь – всё, что перечислила Мария. И почти всё ему очень нравилось.

Кошка сидела на коленях Марии и громко мурлыкала.

– Только сейчас дошло, – Мария подняла взгляд. – Ты столько раз рассказывала свою историю, а я только сейчас поняла. Ты простила её, и она ушла, да? Вернулась к живым... – Мария помотала головой. – Вернулась к себе.

Дарья кивнула.

– Я не сразу поверила, что умерла, – Мария отпила чая. – А когда поверила, мечтала найти эту сволочь, что сидела в тракторе. Где угодно, на том свете, на этом. И точно так же переехать, чтобы кишки так же наружу полезли во все стороны. Хотя я сама была дура, сама поскользнулась, потому что не смотрела, куда иду. Я сказала себе тогда, что никогда его не прощу.

Дарья опустила голову.

– Теперь не знаю, – Мария отпила ещё. – Теперь, наверное, я бы его простила. У него, поди, семья была, или есть, не знаю. Если бы он так же погано умер, я бы всё равно там не ожила.

– Попробуй, – тихо предложила Дарья, взяв её за руки. – Попробуй прямо сейчас.

– Я не знаю, кто ты, – Мария посмотрела вверх. – Не знаю, что потом с тобой было. Но если от этого тебе может стать лучше, я тебя прощаю. И прости меня за то, что я желала тебе смерти. Глупая была.

Её губы задрожали. Дарья метнула взгляд в Николаева. Тот кивнул и тихонько покинул кухню, осторожно прикрыв за собой дверь. Он успел услышать, как плачет Мария, и от этого, если честно, самому становилось почти невыносимо.

Он вспомнил лицо шофёра – точнее, оба лица. И того, кто вёл ту злосчастную машину, и водителя «КамАЗа». Наверное, я тоже могу простить обоих, подумал Николаев. Вот только смогу ли сказать так, чтобы сам поверил. Слишком мало прощал, это точно. Вроде и не держал никогда обиду, а вот по-настоящему тоже не прощал.

Он понял, что сидит у себя в комнате, прижав ладони к лицу, а Дарья сидит на полу, перед ним.

– Она спит, – шепнула Дарья. – Ушла к себе, и заснула. Может, и вам тоже поспать немного? Хотите, я тут посижу?

– Нет, не засну, – помотал головой Николаев. – Можно просто посидеть. Там, на кухне. Поговорить о чём-нибудь приятном. А можно кино включить, тихонько.

Дарья оживилась.

– Давайте! Я сейчас чаю свежего сделаю, да? И посижу с вами. Что вы так смотрите?

– Знаю тебя только сутки, – Николаев сам не ожидал, что сумеет сказать, – а кажется, что знаю всю жизнь.

Дарья рассмеялась.

– Может, на самом деле знаете всю жизнь! Вы тоже пробовали, да?

– Что, прости?

– Пробовали простить того шофёра. Из-за которого вас... из-за которого вы здесь.

– Не пробовал. Не могу пока.

– Только не бойтесь! – Дарья взяла его за руку. – Над этим у нас никто не посмеётся. Честно-честно! Скажете, как только поймёте, ладно? Даже если *там* об этом не узнают, вам станет легче. Ну всё, идёмте! Давайте, давайте! Я не дам вам грустить!

Фильм – «Бриллиантовая рука» – уже заканчивался, шли последние титры, когда дверь гостиной отворилась. Там стояла Мария, в халате. Задумчивая.

– Мне снилось, – она обвела взглядом остальных. – Сейчас снилось, как мы с мамой и папой на море ездили. Наверное, я никогда не была такой счастливой, как в то лето.

Дарья улыбнулась.

Мария молча подошла к дивану, уселась на пол и положила голову Дарье на колени. Так и сидели, долго-долго.

12

На песчаную косу – где дядя Гоша и Петрович уже вовсю готовили шашлык – Николаев с девушками прибыли первыми.

– А вот наши красавицы! – дядя Гоша обнял девушек. Во хватка! – Сергей, стало лучше? Вижу, что лучше!

– Дядя Гоша, вам помочь?

– Петрович помогает, – пояснил дядя Гоша. – Вы пока салатом займитесь, зеленью. Всё вон там, в палатке.

– Сорок лет здесь! – поразился Николаев, помогая Марии вымыть зелень. – Никогда бы не поверил.

– Сорок пять, – поправила Дарья. – Мы пять лет ищем одиннадцатого. Простите! – но Николаев улыбнулся и кивнул – всё в порядке. – Знаете, много людей встречали. Но они все такие странные были. Не верили. Ни во что. То убить кого-то из нас хотели, то ещё что-нибудь. Мы уже и надеяться перестали...

– Ты не переставала, – возразила Мария. – И дядя Гоша не переставал. Говорил: нам спешить некуда. Если нужно, чтобы нас стало двенадцать, будет двенадцать.

– Так и не понял, почему двенадцать, – признался Николаев. – Фёдор дал мне книжку, а я так и не прочитал.

– Ой, это он пусть сам объясняет, – помотала Дарья головой. – Я опять напутаю. Что-то с зеркалами, ну, вы сами видели. Когда остаётся несколько минут до сброса, если в комнате есть несколько зеркал, больших, там начинает что-то вместо отражения появляться. Федя говорит, кому-то за рубежом удалось собрать компанию из двенадцати человек, и тогда зеркала стали проходом. И эти люди ушли туда, и уже не возвращались после сброса.

– Вернулись туда... откуда мы все сюда пришли? – Николаеву самому страх как не хотелось говорить что-либо вроде «в мир живых». Тут тоже живые!

Дарья покивала.

– Никто точно не знает. Но Федя верит. И я верю. Это... знаете, как будто испытание. Если сумеем собрать двенадцать, и не перессоримся, и будем помогать себе и остальным... тогда вернёмся.

– Вернёмся или умрём насовсем, – хмуро поправила Мария. – Да ладно! Я тоже хочу, чтобы стало двенадцать. И уйду, со всеми, и плевать, что там точно будет. Уже не боюсь.

– О, вот они где! – голос Жоры.

Мария закатила глаза.

– Если он до меня дотронется, я не знаю, что с ним сделаю! – пояснила на словах и вручила нож Николаеву. – Давай, нарежь. А то руки будут чесаться.

– Мария, любовь моя! – Жора появился у входа в палатку – тент – держа в руке букет роз. – Я свинья. Такая, знаешь, большая и толстая. Прости меня, пожалуйста, я так больше не буду! – может, он и кривлялся, но взгляд его был умоляющим.

– Прощаю, – ответила Мария величественно, – но чтобы не лез больше под юбку, и вообще.

– Слушаюсь, моя королева! – и Жора опустил на колено.

Мария молча обняла его, шепнула, чтобы остальные услышали, «свободен!» и потрепала по щеке. Жора поднялся, изобразил средневековый поклон (при его габаритах это выглядело комично), и удалился.

Мария стояла, держа в руке букет, и смотрела Жоре вслед. Затем решительно повернулась к Николаеву.

– Дай сюда, – потребовала, указывая на нож. – Серёжа, мы тут сами справимся, – пояснила она. – Там Жора и дядя Саша что-то привезли. Помоги разгрузить, пожалуйста.

Николаев вышел из палатки, улыбаясь, и успел ещё услышать взрыв счастливого смеха за своей спиной. Отчего-то не было сомнения, что именно счастливого.

Кошка, которую он привёз с собой, как в тот раз – в кармане – выпрыгнула и решила посидеть в палатке. Точно, любит послушать.

Дядей Сашей оказался тот высокий тощий человек, который говорил с Валерием и Степаном. В миру дядю Сашу звали Александром Евгеньевичем Смолиным, и был он сантехником. Похоже, оттуда же сантехник, откуда я таксист, подумал Николаев, подходя к их компании.

Александр оказался, против первого впечатления, вполне общительным и, как и все, обрадовался, когда узнал, что Николаев – шофёр. А привезли они музыкальную аппаратуру. Усилитель, колонки, ну и генератор – где на берегу брать электричество?

– Если ты «Газель» водить умеешь, у меня на примете есть грузовичок, – пояснил дядя Саша. – Тогда точно не пропадём. А то столько всего приходится возить, а не на кем. А с посторонними не всегда хочется связываться.

Выяснилось, что Степан, который окончил прежние свои земные дни коммивояжером (может, поэтому Мария высказывалась о нём с ноткой презрения в голосе), неплохо играет на гитаре и клавишных. Привёз с собой клавиатуру, она же синтезатор – в общем, стало понятно, что музыка будет. Дядя Саша по большому секрету сообщил, что у Курчатовой красивый голос.

Все остальные подъехали в течение пяти минут после того, как Валерий, Степан и дядя Саша с Николаевым закончили всё монтировать. Георгий Платонович всем налил, и велел Дарье встать слева от себя, а Николаеву – справа.

– Друзья! – дядя Гоша поднял первый тост. – У нас два прекрасных повода собраться здесь сегодня. Они оба прекрасные, поэтому выпьем сразу за оба. За то, что мы встретились с Сергеем, – он обнял того за плечо, – и за день рождения нашей дорогой Даши! – осторожно обнял и её.

– Даша, – как только отзвучали поздравления и вино было выпито, Мария подошла к Дарье. – Это от него, – она осторожно надела ей на шею обсидиановое ожерелье, – а это от меня, – вручила ей пакет с книгами. – С днём рождения! – и поцеловала в обе щеки.

Подарки, как оказалось, нашлись у каждого.

Степан, возможно, и был коммивояжером, но играл очень красиво, и вместе с Петровичем получился настоящий ансамбль. После того, как устроили очередную паузу – вино поручили разливать дяде Саше, а дядя Гоша и Петрович вернулись к шашлыкам – стало понятно, что праздник окончательно удался.

– Это правда от вас подарок? – Дарья отвела Николаева в сторонку, когда у того в разговорах выдалась пауза. – Сами выбрали?

– Сам, – признал Николаев. – Отчего-то подумал, что это тебе понравится. Рад, что понравилось.

Дарья молча обняла его (пришлось присесть), и долго не отпускала.

– Я хочу с вами жить, – она посмотрела в глаза Николаева. – С вами и Машей. Если разрешите. Тётя Надя и дядя Саша друг к другу равнодушны, а я всегда невовремя, – она не выдержала, прыснула. – Можно? Я не буду мешать!

– Да, конечно, – и его снова обняли. Всё равно считаю её десятилетней, подумал Николаев, ну не получается по-другому. И так понимаю, что взрослая – помню все вчерашние разговоры, но не могу.

– Вы так танцуете, – похвалила Надежда Петровна. Неопределённого возраста. Николаев знал, что ей было сорок три, когда она попала сюда. Но учительницы, особенно советские, выглядят одинаково в любом возрасте. – Приятно было посмотреть.

– Сегодня в первый раз, – признался Николаев. Не любил танцы, если честно. Как-то вдруг перестал любить. Пока не появился Денис, ходил с Марией на вечеринки, и там танцевал за милую душу. А потом – как-то разом всё окончилось. И вечеринки, и многое другое. Как отрезало. – В первый раз за последние восемь лет. Даша уже сказала вам?

– Да, мы вчера ещё поговорили. Ей нужен отец, – Надежда Петровна перешла на заговорщический тон. – Знаете, я учила её. Ребёнок же, нельзя, чтобы осталась необразованной. Она прекрасная ученица, никогда не ленилась. Но вот только вчера я поняла, что она давно уже взрослая. Я люблю её, как внучку, но ей нужен отец. Извините, – она посмотрела в глаза Николаева. – Дядя Гоша и Михаил Петрович для неё дедушки. И тут появились вы. Простите мою бестактность, у *вас* сын, верно?

Николаев согласился.

– Дарья будет очень хорошей дочерью, – Надежда Петровна улыбнулась. – Характер, конечно, трудный, но у кого он здесь лёгкий? И потом, я тоже верю, что мы отсюда выберемся. Фёдор знает, что говорит. Ой, простите великодушно, я сегодня болтаю без умолку!

– Невероятно, – Фёдор почесал затылок, глядя на Кошку, сидящую на плече Николаева и спокойно умывающуюся. – Никогда такого не случилось. Значит, в карман, и там вы придерживали её, когда случился сброс. Я обязательно повстречаюсь с нашими коллегами из Великобритании и Канады. Может, из США, если успею. Завтра же займусь. Они тоже должны знать. Мы знаем, что переносятся примитивные формы жизни – микроорганизмы – это проверено, это факт. Но ничего более развитого, нежели растения, не переносилось. У Даши был как-то раз хомячок, – улыбнулся он. – Она так переживала, что он остался где-то позади.

– А у вас есть объяснения, почему вот это, – Николаев указал на кобуру с бластером, – становится чем-то другим? И диски, которые у Марии.

– У меня – паяльник и очки, у Марии – диски, у Валеры – зажигалки, у Степана – авто-ручка и квитанция, у Михаила Петровича – трость и аккордеон, – перечислил Фёдор, прикрыв глаза. – У Даши – кулёк с конфетами и Винни-Пух. У Надежды Петровны – зонтик и указка, у Александра Евгеньевича разводной ключ, у Георгия Платоновича хрустальный шар и курительная трубка. Всех перечислил? Ах, да, у Жоры, у Георгия Васильевича, то есть – рогатка. У вас – этот бластер. Знаете, у нас всех остались предметы, которые как-то напоминали о той жизни. Когда начинается конец света и сброс близок, эти предметы приобретают особые свойства. И эти предметы переносятся с вами, хотя иногда оказываются немного поодаль. Такое везде отмечено. Бывает, что у человека с собой нет никаких особенных предметов, но такое бывает редко. У меня есть гипотеза, но она прозвучит слишком фантастично.

– После того, что я уже узнал, Фёдор Сергеевич, вам придётся постараться, чтобы я не поверил.

– Хорошо, – Фёдор улыбнулся, с коротким поклоном принял от Марии два бокала с вином и один вручил Николаеву. – Спасибо. За удачу! Слушайте. Представьте себе дерево. Оно растёт, выпускает новые ветви, на них появляются листья, и всё такое. Иногда старые ветви засыхают и отваливаются. Постепенно дерево вырастает во взрослое состояние, но и тогда растут новые ветви, погибают прежние, обновляется кора и так далее.

– Картина понятная.

– Гипотеза вот такая: все эти реальности, наподобие той, где мы сейчас – это отмирающие ветви. В них перестаёт теплиться жизнь, они засыхают, на них нападают разнообразные паразиты, в таком духе. В конце концов реальность претерпевает коллапс и разрушается. И когда

коллапс уже близок, в реальности что-то разлаживается. Может, это какой-то защитный механизм – например, чтобы с больной ветви паразиты не перешли на здоровые. Может, что-то ещё. То, что происходит с нами самими и с нашими сувенирами из той жизни – это проявление распада.

– Красиво, – сумел выговорить Николаев, когда представил себе картину. – Паразиты – это те самые зомби?

– В том числе. Вы читали брошюру? Прочитайте. Удалось собрать статистику, как именно случается конец света. Зомби – достаточно частый вариант, если говорить о процентном соотношении. Бывают и другие насильственные варианты, с массовой смертью среди людей.

– А мы тогда кто?

– Может, мы и есть защитный механизм, – развёл руками Фёдор. – Его часть. Поймите, всерьёз заниматься научным исследованием этого стали недавно, каких-то сто-сто двадцать лет назад. Учитывая нашу специфику, крайне трудно делиться знанием и проводить некоторые эксперименты.

– А почему это случается каждое полнолуние?

– Это не всегда случалось каждое полнолуние, – возразил Фёдор. – Только последние двадцать с чем-то лет. Интервалы были гораздо длиннее, хотя обычно начало приходилось на новую луну или полнолуние.

– А история с зеркалами? Вы правда верите, что...

– Сергей Васильевич, – Фёдор улыбнулся и положил руку ему на плечо. – Мне не нужно верить, или не верить. Я присутствовал. Я видел, как двенадцать ушли, и никогда уже не вернулись. Я даже сделал снимки того, куда они уходили. На вид – наша привычная Земля.

Николаев почувствовал, что по спине пробегают мурашки.

– Вы могли уйти вместе с ними, – это был не вопрос, утверждение.

Фёдор кивнул.

– Простите за глупый вопрос, а почему не ушли?

Фёдор поправил очки.

– Кто-то должен передавать знание другим. Тем, кто придёт сюда на их место. Потом, я просто не мог бросить нас, – он огляделся. – Надеюсь, не нужно пояснять, почему?

– Извините, – Николаеву, впервые за много лет, стало стыдно. Фёдор улыбнулся и пожал ему руку.

– Всё в порядке. Да, искушение было очень сильным. Я думаю, они вернулись в живую ветвь. Я уверен.

– Ничего, что я на «ты»? – Жора тоже отвёл его в сторонку. – Извини, если что. Я про Машу. Ну так вот, слушай: «козлика» можно купить завтра. Бумаги и прочее оформим до вечера, это я устроил. Покупаем?

– Покупаем! – решил Николаев. Детская мечта сбудется, подумал он. Именно на таком мечтал ездить.

– Отлично! – просиял Жора. – Мы тут с парнями халтурку нашли, хорошую. Но там нужно будет по городу поездить, грузы повозить, людей. «Газель» водить умеешь? Я про грузовичок, «Газель фермер».

– «Газели» водил, – согласился Николаев. – Правда, маршрутки. Справлюсь.

– Ты наш спаситель! – Жора воздел руки к небу. Не понять, говорила Мария, когда придурируется, а когда серьёзно. – Тогда завтра, часов в одиннадцать, я позвоню. Нормально?

– Вполне, – заверил его Николаев. Тоже займусь чем-то полезным, подумал он. Отлично. Только не сидеть сложа руки.

– Я тебя уважаю, – Жора крепко пожал руку. – Всегда нужен шофёр, и всегда с этим были проблемы.

Солнце клонилось к закату. На берегу нашлось дерево, старое сухое бревно, Мария и Дарья устроились на нём – смотреть на закат.

– Всё погрузили, – сообщил Николаев. – Жора спрашивает, нас подвозить или нет. Ну, или сами такси можем вызвать.

– Нет, не надо подвозить, – тут же отозвалась Мария. – Не надо всё портить. И такси не нужно, тут идти полчаса, не больше. Прогуляемся?

– Конечно, – Дарья встала и отряхнула платье. – Кошка! Ко-о-ошка! Мы собираемся!

Кошка появилась словно из ниоткуда – вроде не было её видно. и вот уже – прискакала, уселась на камни и требовательно мяукнула. Николаев уже знал, что означает этот звук. «Бери меня на руки».

– Слушай, правда умная, – в который раз поразила Мария. – Вот и скажи, что они людей не понимают! Езжайте! – крикнула она, помахав Жоре рукой. – Мы пешком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.